

Кузьминов vs Навальный

Ярослав Кузьминов:

Коллеги, мы пригласили господина Навального к нам после его известного блога, из которого я узнал, что являюсь автором концепции Федеральной контрактной системы вместе с моей супругой. Я автором не являюсь, но близко стоял, хотя имею некоторые отличия в позициях. Мне кажется, что отличия в позициях не столь важная тема для большой аудитории, потому что тема закона о Федеральной контрактной Системе, тема 94-ФЗ, то есть тема закупок в Российском государстве – это тема, которая достойна очень серьезного обсуждения.

О чем спорим? Нужна ли ФКС и судьба 94-го? Сразу скажу, что представляю дело так: есть конкурентный прозрачный закон 94-ФЗ и его хотят отменить и заменить размытой системой, которая расширит возможности чиновников воровать, это, как бы повежливее сказать, очень наивно, Алексей. Никто никаких антикоррупционных положений 94-ФЗ, в котором мы, кстати, и сами принимали участие, отменять не собирается. Никакой отмены конкурентных торгов, никакого сокращения доступа независимых производителей госзаказу, никакого ограничения прозрачности, главное – никакого расширения свободы чиновников. Вообще о такой постановке ни в правительстве, ни в экспертном сообществе речь вообще никогда не шла, потому что нынешняя проблема настолько одиозна, что выступать с такого рода набором предложений – означает просто отправиться, ну не вон из правительства, но на Канатчикову дачу совершенно точно для поправки здоровья. Все прямо наоборот. Речь идет о том, как увеличить прозрачность закупки. Как ограничить произвол чиновников? Как ограничить использование средств налогоплательщиков? Есть три концепции: есть концепция МЭР, есть концепция ФАС и только что, по-моему, вчера или позавчера, появилась концепция у комитета по строительству Госдумы.

Подходы расходятся в деталях, а есть еще такая позиция Министерства финансов, близкая к позициям ФАС и МЭР, но с упором на то, что регулировать все Минфин все-таки будет. Подходы в деталях расходятся, поэтому мы, с вашего позволения, попытаемся сейчас разобраться, в чем состоит необходимое расширение 94-ФЗ или ФКС. Называйте, как хотите. И в чем предмет публичного спора? Какие именно детали такой накал вызывают? О 94-ФЗ, его святости, неприкосновенности как единственного такого антикоррупционного барьера. Вот 94-ФЗ. Значит, вот он (*показывает*) Вот это, ребята, пакет поправок к 94-ФЗ, 120 страниц, принятых за полгода, за одну половину 2010 года, в другую половину принято столько же. А вот сам 94-ФЗ, цветным выделены этапы поправок. Черный текст можете найти? На нем живого места нет уже! Пустим по рядам, кто хочет. У меня, кстати, он лишний, так что давайте по рядам. Давайте в другую сторону, Алексею.

Алексей Навальный:

Я близко к тексту знаю!

Кузьминов:

Некоторые поправки уже несколько раз проходили, так что мы именно защищаем? Какую редакцию защищаем? Какие именно положения закона мы защищаем? Никто не может понять и правильно применить закон, кроме некоторых очень редких специалистов, цена которых автоматически зашкаливает до небес. Это классическая судьба закона с заплатами. С законом об образовании та же самая система: заплатка, заплатка. В итоге понять, о чем там, вообще уже нельзя. Речь идет не об идеологии, а речь о том, что нормальными читателями эта идеология не выковыривается. Давайте посмотрим на то, как закон работает. Закупки в результате конкурентных процедур не из единственного источника. 2006 год – 77 %. Закон принят, народ поверил. 2007 год – 55 %. 2008-й – 51%, 2009-й – 44 %,

2010-й – 42,7. Это официальные данные Росстата, так что, ребята, земля близко. Расчетные потери бюджета, ну вот я прикинул, довольно сложно, конечно, точно посчитать, но примерно 250 млрд. рублей только из-за единственного поставщика, а в целом с учетом коррупционной составляющей цены – около триллиона рублей из пяти закупочных. Кто не знает, федеральный бюджет на образование – 400 миллиардов. Основная проблема 94-ФЗ – такая глобальная, подготовившие его люди не понимали, не учитывали, что у товара и услуги есть не только такое замечательное качество, как цена, но и качество, включая стоимость эксплуатации. Но участники рынка это очень хорошо понимают и всегда знали, и обманывают государство, где только можно и как можно. Ну, могу кейсы привести, только назову, тут многие есть специалисты. Анекдот номер 13, помните, да? Кейс: фирма – специалист по выигрышу всего. Могу на своем родном примере его привести. В Вышке, ноябрь месяц, компания «Стройпроектреконструкция» выиграла 11 аукционов, включая вывоз мусора, ремонт канализации, замену окон, ремонт асфальтового покрытия и так далее. До 60 процентов от начальной цены. Полностью выполнено только 3 контракта, остальные расторгнуты, к двум третям контрактов фирма даже не приступала. Знаете, как работает фирма по выигрышу всего? Элементарно как бы работает. Ищется несчастное учреждение, которому надо провести конкурсы в конце года. Такое бывает по разным причинам, и не только учреждение виновато. У него все выигрывается, а потом приходят и говорят: слушай, такая-то фирма тебе все сделает, но она тебе сделает в феврале-марте, ты встреться с ними – то есть ответственный чиновник подталкивается к коррупции, просто подталкивается. Эта фирма по выигрышу всего что потом делала? Бегала и искала, кто бы ей окна вставил, ну окна она на один этаж нашла, вставили ей окна, что-то заплатили. На вывозку мусора тоже нашла, на остальное не нашла. Ну, конец года, тяжело. Но это же массовая ситуация! Второй кейс, анекдот номер три – картельный сговор с участием чиновников. Просто откровенно перед государственными

торгами руководители уважаемых фирм садятся, так сказать, торгуют контрактом, аукцион не состоялся, и по заявленной максимальной цене все вперед. Сегодня все ведомства согласны, что закон надо менять. Но у каждого ведомства свой угол зрения и свой административный интерес. У 94-ФЗ есть три няньки, о наличии у него глаза можем только дискутировать. Может быть, только фингал есть. Минфин, МЭР и ФАС. Минфин – интересы: экономия госсредств, ну хорошо, в связи с бюджетным дефицитом его понимаю. МЭР – поощрение частных инвестиций, обеспечение эффективного использования средств, в последнее время там говорят о поощрении инноваций каких-то там, нужно преференции давать. ФАС – обеспечение роста конкуренции в нашей экономике. У трех ведомств есть разнонаправленные интересы. При этом нормативные полномочия подлежат МЭР, а дискреционные, так называемые административные, на усмотрение отдельного чиновника ФАС. Так вот, можно считать, что падение доли конкурентных торгов с 70 до 42 процентов за пять лет – оно каким образом появилось? Если закон хороший, он конкуренцию, находясь в руках ФАС, должен поощрять. Значит, если у нас такое падение катастрофическое, это просто действия других факторов, результат эффективного отбора лучших, наиболее эффективных поставщиков. Люди находят друг друга, так сказать, отбирают, плохие – они просто не подают на эти конкурсы. Привыкают люди, нормально. И конкуренция по-прежнему растет и не подрывается. Может быть, так объяснить? Ну если такая благодать настала, зачем тогда вообще процедуры 94-ФЗ? Они сами в миллиарды рублей в год обходятся. Если так здорово нашли друг друга заказчик и исполнитель, может быть, и не нужна эта конкуренция? В законе прямые долгосрочные договора, из ФАС сделаем Госснаб, было такое в Советском Союзе ведомство, которое разрешало поставки между социалистическими предприятиями. Но самые главные дискреционные полномочия у ФАС останутся, вообще вещь довольно вкусная. Но это шутка. Вернемся к действительности. Рост доли закупок мимо конкурсных торгов, то есть когда чиновник сам принимает

решение, с кем подписывать контракт по заявленной цене, это называется – конкурс не состоялся, в широко известной ситуации. По оценке ФАС, таким образом идет 43 процента средств – почти половина. Что происходит? Почему люди не идут на конкурс? Они не верят в возможность честной конкуренции при 94-ФЗ. При нынешнем его формате. Мы его латаем, латаем, а они все меньше и меньше верят. Получается на самом деле так. Как это технически делается? Почему не верят? С чем мы сами встречались – конкурс на некую работу, срок выполнения два дня, большая работа, работа на несколько сот страниц. Такая работа рассчитана на девушек с волшебной палочкой – аукцион-фея называется. Или ТЗ пишется под конкретного подрядчика и поставщика, или цена завышается, потому что цену никто не контролирует, не обсуждает. Но если бы даже все это можно было бы преодолеть, главная опасность не в этом. Если действует процедура, при которой контракт будет заключен в любом случае, тогда возникает интерес к картельному сговору. Участники торгов сговариваются между собой. Часто тот, кто назначен победителем, платит отступные остальным, и есть рынок этих отступных – строительство, техника, клиринг – все, что угодно! Что же делят между собой участники картельного сговора? Они завышенную цену делят. Проблема в том, что в 94-ФЗ начальная цена не обсуждается. Почему мы говорим, что ФКС нужна? Потому что у нас есть, условно говоря, несколько фаз закупочного процесса. Есть обоснование потребности, есть обсуждение цены возможной, есть собственно закупка, а есть мониторинг исполнения контракта и накопление некоего файла этого исполнения. Вот 94-ФЗ – это только процедура закупки, все. Ребята, так не бывает. Не бывает такого рода регулирования, такого рода врача, который лечит только верхнюю часть туловища. Я уже человек пожилой, у меня нижняя скоро начнет болеть. Я не согласен на это. Я думаю, что надо все-таки иметь что-то более эффективное. И на самом деле, я никого не убеждаю, я просто объясняю, с этим все согласны, нужно публично обсуждать целесообразность закупки, технологические альтернативы, обоснованность цены, нужно такое

дополнение к закону. Все с этим согласны – Артемьев согласен, Набиуллина согласна, Кудрин согласен. Спор о чем идет? Будет это в 94-ФЗ или в отдельном законе? Будет ФАС самостоятельным игроком или над ней будет Минфин или МЭР? Или отдельные федеральные агентства по закупкам тоже некоторые предлагают. Вот в чем проблема-то. Больше года рдятся. Очевидная ситуация для всех. Я считаю, что ситуация с госзакупками одиозная и дошла до предела. И на этом фоне все более или менее согласны. Сравните то, что Артемьев предлагает, то, что предложил Институт госзакупок Высшей школы экономики, то, что МЭР переделал после них и то, что Шаккум только что объявил – там совпадение, я думаю, что 90-процентное. Никто не хочет внести норму, не имея в виду лично себя, свои ведомственные интересы. Пусть лучше так постоит, а мы поборемся, авось и выиграем. Слушайте, ведь вопрос о ФКС или расширенном 94-ФЗ очевиден для всех. Все страдают, налогоплательщики, которые лишней триллион платят, это 10 процентов налоговых доходов бюджета. Мы могли бы на 20 процентов снизить налоги, не на естественные ресурсы, а такие основные налоги я считал – 20 процентов. Предпринимателям невозможно войти на новый рынок без знакомств, общество находится в ощущении тотальной безысходности от борьбы с коррупцией.

Вот вы Алексей, знаете, чем заняты? Вы утешаете общество. Вы вытаскиваете конкретные кривые закупки на 200 миллионов, на самом деле это почти все, что можно сделать в сложившейся ситуации, чтобы отвлечь внимание от необходимости перемен. Вольно или невольно вы участник дымовой завесы. Теперь глюк номер два – 94-ФЗ эффективность закупки оценивает не по достигнутому результату, а по формальному соблюдению процедур, чиновники и работники бюджетных организаций сегодня боятся только нарушить процедуру, все заточено только на этом. Вот знаете, что меня больше всего в вашем посте и вообще в ваших словах поразило? Ваша убежденность в том, что это чиновники, кто заинтересован в изменении 94-ФЗ. Слушайте, 94-ФЗ пользуется просто колоссальной популярностью в

чиновничьей среде. Он в углу висит, и на него молятся каждое утро. Первые – руководители, они отвечают за результат политический, с них Путин, Медведев все равно спросят, потому что Путину и Медведеву все равно, как они это сделают. А вот замы, начальники отделов, начальники управления, как заказчики, так и обеспечивающие закупки, они ничего уже боятся. Проверка придет, а ручки-то вот они! Процедуры я соблюл! Неважно, что не построили! Претензии к конкурсу есть? К пуговицам претензии есть, как у Райкина? Понимаете, государство держит огромный, на мой взгляд, контрольный аппарат, который должен обеспечивать эффективность и невороватость работы чиновников. Счетная палата, Контрольное управление администрации президента, Росфинконтроль, МВД, соответствующие отделы ФСБ. И весь этот аппарат работает сейчас вхолостую, они сами об этом говорят – процедуру соблюл, и ты чист, нет к тебе претензий. Ловят людей за нарушение формы, хотя всем очевидно, что результат не достигнут, деньги потрачены неэффективно. Из государства вынут стержень тем самым, нет ответственности за неэффективную работу. Господин Навальный пытается заместить этот стержень наскаками сбоку, это не вредно, это полезно, Алексей. 268 миллионов рублей отмененных торгов для одного человека – это просто здорово. Но десять Навальных не обеспечат десятикратного увеличения этой суммы, двукратного – максимум. Сто Навальных, может быть, еще в полтора раза там углядят. Просто нынешняя система непрозрачна, она не дает возможности увидеть неэффективность или недобросовестность. Мы как слепцы в индийской сказке ощупываем левую ногу слона. Почему у позиции ФАС сейчас так много сторонников? Потому что она публично, успешно и постоянно эксплуатирует сложившееся в нашем обществе тотальное недоверие к чиновнику. Заберем у него право решать! Вот это отлично проходит на публике. Но, во-первых, мы не забрали у него право проводить конкурсы и тратить наши деньги. И пока сохраняется государство, этого не удастся сделать. И во-вторых, максимум дискреционных полномочий сосредоточены в ФАС – это выборочный

контроль, это очень свободная интерпретация закона. Ну, я приведу пример. Ну вот поссорились Вышка с ФАС (Вышка в лице Института госзакупок). И у нас сразу на порядок возросло количество отмены торгов и штрафов, просто на порядок. За один год. И знаете, что отменяет ФАС? Я расскажу. Отменяет решение конкурсной комиссии, которая отказала участнику конкурса в том, чтобы предложить, там, где нужно купить принтер А3 большой или аналог, было написано – купить. А участник пошел и оспорил результат, потому что он предложил принтер А4. Как вы знаете, примерно в 7 раз дешевле. Естественно, почему же ему не выиграть? Или другой вариант, по которому тоже оштрафуют. Мы для такого же зала такой настольный потолочный проектор закупали, ФАС оштрафовала людей за то, что мы не взяли настольный. Это я не к тому, что там какие-то негодяи сидят, да и ошибки у всех бывают. Просто дискреционные полномочия, честно говоря, зашкаливают. Если вот такое возможно. Если можно вот настолько трактовать. А теперь представьте, что в регионах делается, где штраф в 40 тысяч рублей, который Вышка за раз платит, способен семью разорить. Вот письмо получили от женщины, у которой трое детей и зарплата 8 тысяч рублей. ФАС оштрафовала ее на 40 тысяч рублей. Все стараются в этих условиях укрепить отношения с местной ФАС, к сожалению, несмотря на все добрые намерения. Я считаю, что Игорь Артемьев – честный человек и люди, которые у него работают, тоже честные и порядочные. В том, что я говорю, нет никакого элемента непорядочности, мы говорим не о том, что кто-то из них лично непорядочен. Мы говорим о последствиях тех решений, которые мы, руководствуясь своими принципами, принимаем. К сожалению, кроме порядочных руководителей ФАС, есть огромные эшелоны региональных работников ФАС, вот что они делают, уже проследить гораздо сложнее. Что такое ФАС на этом фоне? Это обязательное публичное обсуждение планов закупок, цены, кстати, возможно отслеживать поставщиков, а конкурентам оценивать друг друга перед всем Интернетом, отслеживать судьбу каждого заключенного контракта, причем по двойному контуру. Первый круг – это

эксперты. Я бы им деньги отказные платил, потому что иначе их просто наймут заинтересованные частники. Второй – это такие, как Навальный, блогеры и заинтересованные люди, которым не все равно. Вот сейчас сложился консенсус по констатации проблем и способам их решений. Я видел презентацию МЭР и презентацию ФАС, методы решения предлагаются совершенно разные. Мы в университете, поэтому давайте я на примере науки покажу. Вот здесь сидят люди, которые тоже могут про науку что-то сказать. Нужна при этом квалификация, потому что притча во языцех – увод контрактов неизвестными фирмами, которые потом бегают по университетам и пытаются физических лиц нанять, чтобы быстро что-то закрыть. ФАС предлагает два варианта – или объективные показатели, число докторов и индекс цитирования, например. Или же ограничение круга НИИ и университетов, которые допущены к ведению научных торгов. МЭР, насколько я понял, предлагает процедуру формирования экспертных советов. Мне кажется, что у каждого варианта есть и достоинства, и недостатки. Если мы примем варианты ФАС, мы закроем путь в науку молодым, вновь сложившимся коллективам. Если мы примем однозначно вариант МЭР, мы не застрахованы от nepотизма, от того, что будут своих поощрять. Хотя я могу сказать, что Фурсенко провел конкурсы, несколько этапов конкурсов по 220, 218 и 219-му постановлениям – подбор исследовательских университетов. Есть обиженные, но нет никого, кто говорит, что там кто-то кого-то купил. Почему? Потому что были независимые экспертные советы из людей с хорошей репутацией собраны. Причем результаты неоптимальные. В исследовательских университетах эта комиссия собралась из большого количества ученых-авиационщиков. И у нас три авиационных института попали в национальные исследовательские университеты, но никто не считает, что это было куплено. И мне кажется, что есть возможность и для этой процедуры. Но, опять же, у меня нет предпочтений. Я, честно говоря, неглубокий специалист в этом деле, и с ФАС мы собираем согласие и с одним, и с другим вариантом. Пусть хоть как-то двинется. Напоследок две

песни. Первая. По моей оценке, от трети до половины потерь бюджета происходит не из-за недостатка 94-ФЗ, это существующее в бюджетном кодексе и яростно отстаиваемое Минфином запрещение переноса неизрасходованных средств по контрактам на следующий год. Почти во всех странах такое разрешение есть. Что это такое? Ситуация очень простая – ты сорвал контракт, ты чего-то не достроил или не доделал, и начинается шантаж заказчика. Да, есть Садовничий, есть Кузьминов, есть Российская академия наук, которые, когда придет Кудрин – договорятся. Но извините, 95 процентов бюджетных организаций потеряют деньги, да их еще и накажут. Поэтому что делается? В массовом порядке бюджетные заказчики секретно сдают в марте, а закрывают все в декабре, трясясь перед возможной проверкой. Такого рода плата за страх... она же должна быть! Думаю, больше половины контрактов на строительство, капремонт, поставку сложной техники имеют такие элементы исполнения. Мы сами своими руками толкаем бюджетных заказчиков к коррупции. Здесь, я думаю, и сделать это нужно, совершенно назрел вопрос модификации бюджетного кодекса. Просто здесь часто закупки ругают, а проблема не в закупках. И вторая песня – это электронные площадки. На них крутятся триллионы бюджетных денег. Так называемый постоянный остаток – больше двухсот миллиардов рублей. Каждый мало-мальски знакомый с практикой работы отечественной кредитной системы скажет, что где-то один или полпроцента от этой суммы любой банк радостно отдаст в виде нала тому, кто деньги переводит. Я не говорю, что это есть. И ожесточенная борьба ряда чиновников сначала за то, чтобы эти площадки не совсем прозрачным образом отобрать, а потом ограничить их число, не пускать новых, у меня вызывает сомнения... Упаси меня бог сказать, что кто-то из моих коллег, причастных к такому решению об электронных площадках, что-то для себя получил. Я не Навальный, мне элементарно интеллигентские убеждения не позволяют. Я просто предложу: не надо разбираться, почему так получилось, может, мы переведем электронные площадки на базу Федерального

казначейства? Деньги-то бюджетные! Просто чтобы никто никого ни в чем не подозревал. Алексей, вы за или против?

Навальный:

Ярослав Иванович, я считаю, что вам не ваши интеллигентские замашки не позволяют сказать, кто определил, а просто вы немножко стесняетесь, когда все знают, что пять площадок были отобраны высшим политическим руководством страны. Вот тот парень, которому вы пишете стратегию 2020-2025, он принял такие решения. Вот обвините его в коррупции. Это были политические решения, их приняли путем сговора. Я как Навальный без интеллигентских замашек точно скажу: там кто-то заработал денег, назовите этих людей! Вот о чем и речь.

Кузьминов:

Не верю. Вы знаете, идеи относительно коррупционных интересов людей, несущих политическую ответственность, мне кажутся очень странными. Понимаете, коррупция возникает из-за уязвленности. Коррупция не возникает от ответственности. Я просто не верю в то, что вы говорите. Не потому, что я кого-то защищаю или кем-то заангажирован, как вы знаете, я в партиях не участвую. Моя позиция такая: давайте договоримся о том, что ФКС будет, давайте назовем ее в честь вклада коллег ФКС памяти 94-ФЗ. Мне все равно, какое ведомств будет рулить ФКС, я лично вполне на ФАС согласен, я считаю, что это одно из самых открытых, готовых к публичному диалогу ведомств. Неудачи у всякого ведомства бывают, но давайте вспомним, что ведомства для народа и экономики, а не народ для экономики и ведомства. Спасибо.

Аплодисменты.

Евгений Ясин:

Спасибо, я, открывая наше собрание, упустил необходимость называть время, которое предоставляется докладчикам.

Кузьминов:

В этом, Евгений Григорьевич, была ваша ошибка.

Навальный:

Вот если бы была процедура, как по 94-ФЗ, вы бы этого сделать не смогли!

Ясин:

Вы не вызывайте меня на выпады, потому что насчет процедур у меня тоже есть своя точка зрения и право голоса. Я не буду им злоупотреблять. Просто я прошу вас – не злоупотребляйте временем.

Навальный:

Спасибо большое, друзья, коллеги. Спасибо большое, Ярослав Иванович, что дали возможность здесь выступить. Выступать здесь очень приятно. Конечно. Вышка – очень непростая для меня площадка, потому что, я думаю, значительно количество студентов, сотрудников в курсе моей работы. Какая-то часть, возможно, меня даже поддерживает. От этих людей я получил много писем: «Навальный, мы тебя поддерживали раньше, но сейчас ты покусился на святое. На Кузьминова. И поэтому мы теперь даже не знаем, как к тебе относиться». Это прекрасно, что есть ректор, который пользуется такой поддержкой студентов. У меня похожая ситуация произошла с Владимиром Мау, который вроде поддерживал мою работу, а потом мы его поймали на этом, как вы это назвали? Конкурсы девочек-фей: большая толстая работа за два дня. И я ему сразу разонравился. Он сказал: «Я думал, ты Робин Гуд, а ты оказался совсем не Робин Гуд». Но я хочу сказать, что неприкасаемых у нас нет, Ярослав Иванович. И именно за вами, за такими,

как вы, за людьми, которых мы очень уважаем и любим, должен быть дополнительный контроль. И если еще и вы ошибетесь, тогда уж совсем никуда. И я хочу сказать, что именно моя любовь к Вышке и персонально к вам привела меня сюда. И именно моя любовь к вам кричит во мне: Алексей, сделай все, чтобы остановить его! Сделай, пожалуйста, все.

Я здесь нахожусь, как абсолютный профессионал, мне не нужно показывать 94-й закон, я последние несколько месяцев живу в обнимку с ним, ежедневно мы анализируем десятки конкурсов, очень внимательно обжалуем их, ходим в Антимонопольную службу, суды и так далее. И я год провел в Кировской области советником губернатора. Этот год я посвятил тому, что изучал, как это работает со стороны власти. И я видел, как 94-й закон работает во всех этих ужасных критических ситуациях. Вот она, эпидемия гриппа, вот нужно срочно что-то построить, а времени нет, вот нужно что-то построить, но единственный большой строитель может это сделать, и так далее. Во всех этих ситуациях и я, как абсолютный профессионал в 94-м законе, хочу утверждать: то, что предлагаете вы, вот эта концепция, вольно или невольно это федеральная коррупционная система. Что делаете вы? Базовый пункт этой концепции заключается в том, что отменить 94-й, закон совершенно не идеальный, и его нужно существенно править. Но понимаете, у меня вот такая метафора возникает. 94-й закон – такая дрезина, вся залатанная и перелатанная, но она есть. Едет худо-бедно, мы едем худо-бедно и понимаем направление. Эту дрезину нужно превратить, я не знаю, в поезд, красивый, который везет нас куда-то быстро. А тут приходите вы и Министерство экономического развития и говорите: сейчас мы дрезину раздолбаем, а зато построим вам в обмен летучий корабль. Так вот я хочу сказать, что я не верю в ваш летучий корабль, потому что ни разу вы еще не построили летучий корабль. Вы перешли на конкретные кейсы, назвали их четыре. Я вот на одном хочу остановиться, который, наверное, все изучили. Это как раз тот кейс, который вас очень сильно обидел – а именно, изучение рекламы Вышки в Интернете. На примере этого мы видим, что все ваши слова, красивые

заявления – это все рассыпается в пыль и прах. У Вышки есть два миллиона рублей, и она хочет получить рекламу в интернете, как вы писали мне в своем открытом письме, потому что демографический спад и нужно привлечь больше студентов. Что делает добросовестный заказчик? Он объявляет конкурс и говорит: мне нужна реклама в Интернете на площадках с таким-то качеством, дает разные параметры и получает эту рекламу, к нему кто-то приходит, кто на качественных площадках продает ему рекламу. Хорошего качества по оптимальной цене. Это все вопрос заданий, это все можно регулировать. У нас же, напомните мне, пожалуйста, это автономное некоммерческое образование? То есть вы не попадаете под 94-ФЗ? У вас тут целая кафедра закупок! Все дороги открыты перед вами. Вы могли организовать такую идеальную систему закупок, гениальную, сверхсуперкрутую! Но что вы сделали то? А вы пошли по другому принципу, когда два миллиона рублей нужно переместить из пункта А в пункт В, вы абсолютно волюнтаристским способом определили два сайта, самый посещаемый из которых имеет посещаемость в три раза ниже, чем мой ЖЖ, например. И купили там семь баннеров! Вы представляете!

Кузьминов:

Алексей, можете не продолжать. Я понял намек. Коллеги, вы поняли, да? Мотайте на ус, тогда у нас все будет хорошо.

Навальний:

Дайте мне договорить, пожалуйста. Поэтому вот на этом сайте у вас будет все хорошо. Вы представляете себе сайт, где висит семь статических баннеров? Это как если бы компания «Газпром» в своей компании НТВ выкупила бы всю рекламу за год и постоянно бы крутила «Газпром – мечты сбываются». В этом есть какой-то смысл? Нет. Я ни в коем случае не хочу

сказать, что в результате этой крайне подозрительной и сомнительной схемы где-то вы будете сидеть в кафе и кто-то вам будет передавать мятый конверт, где будет лежать 300 тысяч рублей. Конечно, нет! Но я уверен, что каждый раз, когда происходят такие сомнительные вещи, где-то на каком-то уровне фигурирует мятый конверт. А то, что произошло у вас здесь, показывает всего-навсего безалаберность и разгильдяйство при размещении заказа. Вы трясете прекрасными концепциями, вот она ваша концепция, почему вы все сделали от первого до последнего шага в противоречие этой концепции? Ярослав Иванович, у вас же есть факультет рекламы? Госзакупки есть? Давайте прямо сейчас скажем, пусть группа студентов с госзакупок и рекламы сядет, подписав свои фамилии и поставив на кон свою репутацию, проанализирует вот этот конкурс с точки зрения его адекватности, правильности, а главное с точки зрения вашей суперконцепции. Так вот я вас уверяю, что если эти студенты добросовестно подойдут к этой работе, вам будет очень стыдно, когда она будет висеть где-то в интернете. Поэтому я не верю ваш летучий корабль, он не летает, потому что вы сами в него не верите. И вот этот ваш, что там, проектор напольный или настольный, ну вы техзадание элементарно сделать не можете, это разгильдяйство, традиционное, которое есть во всех наших органах власти и у вас такое же. А вы мне говорите, что надо вам дать больше свободы и что я должен поверить в вашу добросовестность. Где ваша добросовестность? Коррупция здесь ни при чем! Просто раздолбайство, извините меня. А поэтому при всей моей глубокой любви к вам я не готов вам верить, не готов вам дать дополнительные полномочия, я не готов вам дать право, чтобы вы на абсолютно свое усмотрение устанавливали предквалификацию и так далее. Ну вот у вас не получается. Уже даже сейчас. Следующее. Министерство экономического развития – замечательный орган. Я вижу, Пироженко уже смеется. Александр, я не верю в вашу возможность строить летучий корабль. Вы его уже строили. Где ваши свободные экономические зоны?

Александр Пироженко (руководитель департамента развития конкуренции МЭР):

Разработчик 94-го закона – Министерство экономического развития, на всякий случай.

Навальный:

Замечательно, а что вы тогда его отменяете? Значит, вы ошиблись!

Пироженко:

Жизнь не стоит на месте, Алексей!

Навальный:

Замечательно, а что вы тогда мечетесь туда-сюда!

Ясин:

Тихо! Тут кричать никто не будет! Здесь будет порядок, понятно?

Навальный:

Спасибо. Были свободные экономические зоны, поигрались, бросили, теперь увлекаемся Сколково. Я вас всех приглашаю в город Зеленоград. Мы приедем и посмотрим на забор, который получился в результате строительства вашего летучего корабля, больше ничего там нет. Я смотрел на сайте Минэка, там написано, что 10 миллиардов ушло в Зеленоград. Там нет ничего, котлован. Вот поэтому таких суперэкспертов для профилактической меры, для приближения к суровым реалиям жизни, нужно отвозить раз в месяц и сажать на полчаса в этот котлован, чтобы они поняли разницу между правдой жизни и летучими кораблями. И я понимаю отлично, что вот сейчас все закончится, мы будем стоять и все у меня будут спрашивать, почему ничего не случилось. Где мое, кстати говоря, доступное жилье, которое разрабатывали очень долго? Денег-то выделили огромное количество. Все

писали законопроекты. Вышка тоже в этом участвовала? Все делали там что-то – и страна, и Медведев, который еще не был президентом. Где мое доступное жилье? Где мой летучий корабль? В кулуарах вы назовете мне миллион причин, почему этого не случилось. Вы скажете мне: ну понимаешь, Алексей, судов у нас нет, везде у нас жулики, в муниципалитетах жулики, страной управляет дачный кооператив «Озеро», вот что вы мне скажете в кулуарах. Я абсолютно с этим согласен, только вот здесь вот дачный кооператив «Озеро» работает, фактор дачного кооператива работает для вашей концепции. В том плане, что он не даст ей случиться.

Весьма важный момент: Эльвира Набиуллина. Я без всякой иронии, без всякого сарказма говорю, что я этого человека очень уважаю. И ее мнение по огромному количеству вопросов будет для меня решающим. Но когда Эльвира Набиуллина говорит мне, что она прекрасно знает, как бороться с коррупцией и организовывать закупки, мне просто смешно по той простой причине, что она сидит в совете директоров «Газпрома», который по поводу своих закупок повторяет ровно всю эту риторику. И у меня возникает вопрос: на нее возложена прямая правовая обязанность, как члена совета директоров, бороться со всеми махинациями. Если в «Газпроме» одна и та же нитка трубопровода, ее германская часть стоит два миллиона евро за километр, а российская – шесть. Я читаю протокол совета директоров и не вижу, чтобы Эльвира Набиуллина поставила вопрос, что должны здесь быть изменения, этого же ничего не происходит внутри компании. Здесь не нужно никакого даже государственного регулирования. Я просто хочу, чтобы внутри компании был поставлен вопрос об этом. Из «Газпрома» крадут ежедневно миллиарды. Почему-то здесь никто не хочет контролировать. Все это происходит вне 94-го закона, его нет. И каждая компания может вашу концепцию абсолютно реализовать. Кроме того, я хочу сказать, что госзаказ и ужасное количество денег используется. Сколько у нас госзаказ? Пять с половиной триллионов. Если мы выкинем оттуда военные и все остальное, то реальных денег у нас ну два с половиной триллиона.

Кузьминов:

А военным можно воровать?

Навальний:

Нельзя, но мы говорим про приоритеты. В госкорпорациях (назову общим словом, вот эти гигантские компании наши – квазичастные) каждый год тратят семь с половиной триллионов рублей. И это как раз там все ваши инновации заложены, сложное строительство. Эти деньги нужны бизнесу, эти деньги нужны стране и эти деньги могут стать драйвером развития. Но почему-то в результате долгой работы Минэкономразвития я вижу законопроект куцый, который сейчас внесен, где весь контроль за газпромами и транснефтями заключается исключительно в том, что можно что-то на сайте публиковать. И у них совершенно ясно, что можно по конкурсу и можно без конкурса. Делай все, что хочешь. Когда я ругаю компанию «Транснефть» и говорю, что у нее непрозрачные госзакупки, они слово в слово повторяют то, что у вас записано в концепции. Да ну что вы все на цену, цена неважна, важно качество. Нужно, чтобы все было хорошо. У нас планирование. Все эти нефтепроводы. Естественно, планирование, за год планируется, потом строится, а потом нужно качество, которое не просто они контролирует, а большое количество государственных органов, Ростехнадзор и так далее. Все это происходит вне 94-го закона, они абсолютно гибкие, и так далее. Можно тогда узнать, как это все привело к тому, что миллиардные контракты были отданы компаниям, у которых зарегистрированы украденные паспорта? Можно узнать, как они там все построили в два раза выше цены? Это все разваливается, и тот же Технадзор выносит предписание за предписанием. Почему это все происходит? И поэтому самое главное – уловка, назовем это так, заключается в том, что вы сравниваете несовершенные закупки под 94-м законом с некими закупками,

которые существуют у вас только в голове, в гипотетическом воображении, а я предлагаю вам сравнивать реальную ситуацию – закупки по 94-му и закупки без него. И при всей его проблематичности, я вас уверяю, что если бы «Транснефть» работала под неким аналогом 94-го закона, не получилось бы так, что вся тендерная документация была там уничтожена. Не получилось бы так, что подряды получали бы фирму на украденные паспорта. Этого всего не случилось бы. И украли бы много денег, но вот такого беспредела не было бы. Я не понимаю, почему вы с таким маниакальным упорством пытаетесь отменить 94-й закон, когда есть огромное поле – вот они, сургутнефтегазы, транснефти, роснефти. Вот они где, все деньги. Почему мы не видим такого активного лоббирования, чтобы у них навести порядок? Этого не происходит. Медведев, которого вы с большим пиететом упомянули в вашем открытом письме. «Не думаете же, вы, Алексей, что Медведев заинтересован в коррупции, ведь он тоже против 94-го закона»... Думаю. Абсолютно думаю. Панфилова здесь сидит, спросите у нее про дело Даймера, и она вам расскажет, что президент Медведев на Давосском форуме, глядя в лицо всей стране, просто нагло врет, что американцы не передали какие-то документы до делу Даймера, когда все знают, что их передали, потому что он не хочет всех этих расследований, потому что из-за них в тюрьме будут сидеть люди из ближнего окружения Медведева. Поэтому не расследуется ни одно дело, о котором он заявил. Ни по Магнитскому, ни по «Транснефти» той же. Нет у нас политической воли для того, чтобы бороться. Один важный момент... я уже заканчиваю.

Я бы его адресовал не сюда, а тем людям, которые смотря нас по Интернету. Потому что это очень важно понимать. Существует мнение, что якобы антимонопольная служба борется с Минэком. Это не так, они совершенно разные. Антимонопольная служба – это контроль. Минэк – нормотворчество и так далее. Есть вполне ординарная война, которая происходит в каждой стране – это война между Минэком и Минфином. Это нормальное противостояние. В ходе этого противостояния Минэк, естественно, пытается

отъесть немного полномочий у Минфина. Это абсолютно нормально для бесконечной позиционной войны, и те и другие нанимают институты, которые подводят подо все это идеологическую базу, что тоже нормально. А кого им нанимать? Бандитов с бейсбольными битами? Нет. Они нанимают экспертов, которые пишут бумажки бесконечные и этими бумажками перебрасываются. Но только не надо выдавать межведомственное противостояние в этой вашей концепции – 60 процентов смысла – влезть в полномочия Минфина за какую-то борьбу за эффективность госзакупок и войну с коррупцией. Что нужно делать? Большая часть из того, что здесь написано, и сказали вы. Я могу только сказать: спасибо, Капитан Очевидность. Все это надо реализовывать. Кто бы спорил, что у нас есть огромный и сложный процесс закупок. 94-й закон регулирует исключительно только размещение, и нам нужно вести мониторинг и контроль за исполнением качества, то есть нарастить на все это остальные вещи. Только для чего вам нужно обязательно, срочно и немедленно отменить 94-й закон? Вы не читали вашу концепцию. В этом ваша проблема.

Из зала: После введения в силу нового.

Навальный:

Сейчас я договорю. Это база, идеология. Здесь совершенно четко указано, что он должен быть отменен, поэтому все правильные вещи, которые заложены здесь, можно реализовывать хоть завтра. Давайте будем делать это. Кто же будет против? Поэтому когда я говорю, что надо работать, надо работать. Давайте прибавлять к 94-му закону все здравые положения. Огромное количество не вошло в эту концепцию. Здесь сидит Иван Бегтин, мой традиционный критик. Его идея об открытых данных. Давайте ее применим. Прекрасная идея. Кто с этим спорит? Это же не требует отмены всего немедленно. Я абсолютно уверен, что 90 процентов усилий, которые должны быть направлены на нормализацию системы закупок, должны быть направлены в сторону корпораций, монополий и в сторону квазибизнеса, а на

самом деле части государства. Это непростой путь. Понятно, что люди в «Газпроме» или «Транснефти» не горят желанием отдавать свое право отпиливать на каждом контракте. Братья Ротенберги просто так от своих денег не откажутся. Но это делать нужно. Пусть этот круглый стол станет началом прекрасной общественной лоббистской компании за все хорошее против всего плохого. Кто же против. Спасибо.

Аплодисменты

Ясин:

Спасибо. Сейчас произойдет следующее. Несколько слов скажу я. Просто потому, что мне нужно уходить. Я должен выступать еще на благотворительном вечере, где студенты нашего Международного института экономики и финансов будут рассказывать, кроме концерта, о том, как они работают со стариками, больными и так далее. А я потом должен буду им вручать призы, в том числе вот этот галстук. Я хочу сказать несколько слов по существу. И первые мои слова – это слова благодарности Алексею Навальному за ту работу, которую он ведет. Я считаю, что это исключительно важно и полезно для становления российского гражданского общества, для борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях. И с этой точки зрения я считаю, что он заслуживает всяческого поощрения. Но у всякой борьбы есть определенные правила. И значит, если вы рассчитываете на то, на что рассчитываем мы, я, например, в отношении вас, то здесь это правило заключается в том, что те факты, обвинения, которые вы предъявляете, должны быть обоснованы. Это совершенно неременное условие. Если нет, то в определенный момент появится недоверие и вы не сможете выполнять свою функцию, опять придется кого-то искать, а это не так легко. Поэтому я прошу вас к своей миссии отнестись с уважением и с должным пониманием вашей общественной роли. Второе – я внимательно прочитал ваш блог, а я его предварительно прочитал, там до прямых обвинений в адрес Высшей школы экономики идет некое объяснение, что мы живем в таком обществе.

Это не обвинение – повторяю. Но это определенное представление общества нашего как общества всеобщего жульничества. Жулики все, но уж если не все, то, по крайней мере, те люди, которые занимают кресла в чиновничьем и государственном аппарате – это точно. Вы меня не обвините в том, что я защищаю Путина, Медведева, хотя Медведева немножко больше. Но все-таки я в этом отношении никакой славы не имею. Но я хорошо понимаю, что в нашей стране очень много честных и порядочных людей на разных местах. Я просто вас прошу – вы внимательно прочитайте, что у вас написано. Предположение такое, что если вы подставите хотя бы пальчик – обязательно украдут.

Навальный:

Реплику можно?

Ясин:

Да

Навальный:

Я просто говорил о том, что большинство людей работают чиновниками. Многие из них порядочные и честные люди, и в любом случае они были бы нормальными честными людьми в нормальной системе. Я говорил о том, что у нас с 90-х годов идет отрицательная селекция и, к сожалению, нормальные крайне редко попадают в те места, где распределяют деньги. Вот о чем я говорил.

Ясин:

Так, значит, теперь я повторяю еще раз, что там предметом нападения является презумпция добросовестности заказчика. И вы говорите: как мы можем рассчитывать на презумпцию добросовестности заказчика, если все воры? Других-то доказательств у вас нет. Если считать серьезным доказательством те два миллиона рублей, которые вы выставляете как

обвинение, в адрес Вышки, то, дорогой мой, неужели вы не могли найти какую-нибудь более крупную сумму?

Навальный:

Я нашел!

Ясин:

Весь пыл уйдет и не будет такой последовательности и красоты. А теперь я хочу вам сказать не как человек, который участвует в споре, а как человек, который действительно занимается выращиванием институтов. Это очень тяжелое дело. И когда идет речь об этом деле – это всегда вы пробуете, что-то плохо, нет, давайте поменяем и сделаем что-нибудь более дельное. И еще раз. Я приведу в качестве примера закон о банкротстве. Я напому вам, что его переделывали два раза. С третьего раза он получился уже ничего. Один раз он был в пользу должников. Второй раз стал в пользу кредиторов. И тогда началась кампания по скупке долгов и разорению предприятий. После этого пытались добиться равновесия. В конце концов, мне кажется, что равновесия более или менее добились, для той среды, в которой мы живем, но, конечно, нашлись люди, которые хотели бы продолжать захват этих самых предприятий. Поэтому подняли вопрос: давайте опять переделывать закон о банкротстве. Теперь я обращаюсь к 94-му закону. Понимаете, когда ситуация складывается, можно, конечно, сделать так, чтобы мы такие придумали законы, чтобы не подъехать, не пройти, единственный выход – взорвать. Ну я согласен. Бюджетный кодекс, там есть такие места, где, видимо, придется звать саперов. Здесь тоже есть. Например, есть такое положение, что только аукционы по минимальной цене. Явно коррупционная вещь. Но на самом деле она просто не работает, понимаете? Вы же сами говорите: у нас очень большая коррупция. Так что, ее остановил 94-й закон? Нет, он ее не остановил. Даже следов никаких нет. Моя позиция лично такая: если вы хотите бороться посредством вот таких законов с коррупцией, то

ничего не выйдет. Точнее, есть один такой борец, я его очень уважаю, это Алексей Леонидович Кудрин, который всегда выдвигает требование – мы установим такие бюрократические рогадки, чтобы коррупция не прошла. Оказывается, наоборот – чем жестче бюрократически законы, тем больше коррупция. И как люди изобретательно устраиваются, я не знаю. Я даже иногда завидую. Но я просто хочу такую мысль простую высказать: коррупция появляется не от того, что есть какая-то гибкость, она появляется от того, что ее нет. И главное – мы сталкиваемся со сложным культурным явлением. И я вас благодарил как борца за новую русскую культуру, которая выращивает честность, помогает. Но все-таки тогда давайте договариваться, какие правила игры, и будем их выполнять. Мне кажется, это очень важно, такие правила. Я просто вспоминаю ситуацию, с которой мы столкнулись, с тем, что мы размещали по конкурсу заказ на услуги страховой компании. Нет, мы проиграли, но она выиграла конкурс. Раньше мы получали более или менее хорошие услуги, которые были включены в наш соцпакет, а потом ничего не получилось. Ни то, ни это – компания сэкономила, потому что она теперь выиграла минимальную сумму. Я не знаю, что ее обидело. Мы не относимся к числу организаций, которые применяют коррупцию для пробивания, не считая тех двух миллионов рублей и что вы там еще нарисовали, расскажете. Я просто призываю всех нас не для того, чтобы сорвать аплодисменты и вызвать популярность у публики. Хотя вы политический деятель и такого рода приемы в других случаях могут быть полезны. Давайте все-таки думать относительно того, чтобы принести пользу стране. Я глубоко убежден, что в ней не должно быть революций, она наелась этим. Нужно выращивать институты. Можно, конечно, при каждом удобном случае поднимать разговор о том, что долой Путина, Медведева, еще кого-то, кооператив «Озеро», все-таки это весело, мне нравится, но это ведь не помогает!

Навальный:

Бороться будете?

Ясин:

Давайте я буду свою работу делать. Потому что если мы все будем бороться... давайте, будет разделение труда. Я в свои годы выполняю другую работу. Думаю. Если бы Кузьминов хотел бросить Высшую школу экономики, он бы тоже начал. Но кто же будет заниматься Высшей школой экономики? И это все будет нужно стране. Путь у всех будет своя работа, но я буду вам помогать. И Кузьминов будет помогать там, где будет идти речь о действительно полезных вещах, но нужно учесть, что работа будет постепенная, противная, она будет связана с большим количеством неприятностей, но в конце концов мы должны победить. Вы должны победить, я уже не рассчитываю. Спасибо.

Я теперь уступаю свое место Льву Ильичу Якобсону. Извините, но туда мне тоже надо.

Навальний:

Теперь нам понятно, кто хотел сорвать аплодисменты и сорвал их.

Лев Якобсон:

Евгений Григорьевич не хотел – мы-то его лучше знаем, но срывает всякий раз. Почему-то получается. Я вот что хочу сказать. Я действительно не предполагаю председательствовать. Хочу сказать несколько слов тем, кто в других аудиториях. Я знаю, тут толпились студенты, обижались, почему вот такую комнату дали, нет ли больше. Есть только одна комната в Вышке больше – это та самая, где был заранее объявлен благотворительный вечер. У нас просто не было выбора. Я извиняюсь перед теми, кто сюда не попал. Повторяю, вариантов нет. Ну а сейчас, как и предполагалось, вопросы.

Кузьминов:

В пользу больных детей проводится благотворительный вечер.

Якобсон:

Да, именно так.

Кузьминов:

И я думаю, что мы не конкурентоспособны по этой задаче...

Якобсон:

Да, не отменять же... Да, пожалуйста, называйте себя.

Иван Бегтин:

Меня здесь уже упоминали. Если кто не знает историю с латиницей в госзакупках, то, собственно, это я в свое время ее нашел и озвучил. И я являюсь создателем проекта «Росгосзатраты», созданного по заказу Института современного развития – это мониторинг всех российских госконтрактов в рамках единой системы. Для начала я скажу, что я отрицательно отношусь ко всем этим концепциям, к 94-ому ФЗ включительно. Я считаю, что в них во всех есть принципиальная проблема. И эта принципиальная проблема заключается в том, что они не проходили конституционной проверки. Потому что, и в концепции ФКС, и в 94-ом ФЗ фактически у нас оказывается ситуация, когда...

Кузьминов:

Вы подальше немножко от микрофона, а то фоните.

Иван Бегтин: Ладно... когда федеральная исполнительная власть – конкретно Федеральная антимонопольная служба осуществляет контроль за хозяйственной деятельностью всех органов власти, всех ветвей власти и на всех уровнях. То есть фактически то, что мы являемся федеративной республикой, прописано в первой статье Конституции. И то, что касается в

главы 8-й о муниципальных образованиях, – это нарушает и полностью противоречит фактически всем федерациям, которые существуют в мире. Например, ФКС, где упоминается мировой опыт и конкретно опыт Соединенных Штатов, почему-то это обходится – там упоминается ФКС США, но при этом почему-то не говорится, что ФКС США распространяется только на федеральные ведомства Соединенных Штатов Америки. И то же самое – 94-ФЗ. Поэтому когда Алексей Навальный хвалит 94-ФЗ или говорит, что это хороший закон, я удивляюсь, почему у меня такое дежавю. Если бы это сказал Владимир Путин, я бы понял. А вот когда это говорит Алексей Навальный, я этого немножко не понимаю, потому что по сути 94-ФЗ – это и есть основа вертикали власти, один из ее кирпичиков и компонентов. Второй ключевой и важный момент – существует подмена понятий. Есть подмена понятий конкурентного контроля и общественного контроля. Конкурентный контроль – это как раз антимонопольные действия, это действия, касающиеся формирования рынка и обеспечения ликвидации картельных сговоров. Но то, что касается как раз общественного контроля, и то, чем должен быть проект «Распил Инфо», или то, к чему предназначен проект «Росгосзатраты», – это совсем другая история. Это история, основанная на раскрытии информации о государственных расходах. Это то, что сейчас происходит по всему миру. Это то, что осуществляют такие организации, как Всемирный банк, постепенно к этому приходит Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки и большая часть Европы. Это раскрытие данных в читаемой форме и возможность их последующего анализа. Это увеличение объемов информации и предоставление ее в максимально удобной форме для анализа. Потому что все прекрасно понимают, что контракт, опубликованный в отсканированном виде, и контакт, опубликованный в виде базы данных, которую можно скачать для себя, проанализировать и сопоставить со всеми остальными – это две принципиально разные вещи. Хотя именно это сейчас и осуществляется. И то, что в России это перестало осуществляться с момента введения нового

официального сайта, – это большая проблема. Потому что до этого казначейство раскрывало всю официальную информацию о реестре контрактов, а сейчас этого нет. То есть сейчас необходимо просматривать, если сайт вообще доступен. И, наконец, я хочу сказать, что есть, опять же, некое заблуждение насчет того, что конкуренция по цене и снижение в принципе цены – это благо и это хорошо. Потому что я могу подтвердить все то же, что говорил Кузьминов: действительно есть существенная проблема с качеством поставляемой продукции. Есть слишком много возможностей у поставщиков договариваться с заказчиками: давайте мы вам в рамках вашего текущего бюджета поставим, а закроем все чуть позже – где-нибудь в марте, в апреле. Но также и у госзаказчиков есть принципиальные возможности, заключив договор, потом дожимать поставщиков, которые приходили честно. Если вы хотите честно сдать, то потом вам необходимо занести нам в конверте. И такое тоже бывает. И в данном случае идеи ФКС, которые в нее заложены, они вполне себе логичны. Но опять же, и концепция ФКС чуть больше оторвана от реальности, чем 94-ФЗ. 94-ФЗ в текущей редакции это не 94-ФЗ, который принимался в 2005 году. Это два принципиально разных закона. И принципиальное изменение 94-ФЗ по сравнению с 93-ФЗ – это не просто изменение, это такое секретным образом, тайно пробитое через Госдуму, Совет Федерации и президента изменение под видом закона «О саммите АТЭС». В законе о саммите АТЭС – а вы можете поднять всю историю обсуждения этого закона в Госдуме и Совете Федерации – вы увидите, что там ничего по госзакупкам не обсуждалось в принципе, что закон назывался «О проведении саммита АТЭС... и изменения в некоторые нормативные акты». Но эти нормативные акты не имеют никакого отношения к саммиту АТЭС. Эти нормативные акты относятся исключительно к закону 94-ФЗ. И поэтому, собственно, то публичное обсуждение, которое у нас проходит сейчас, – это та основная выгода, которую мы получаем от текущей ситуации. Но не более того.

Якобсон:

У меня есть просьба, поскольку желающих выступить много, а аудитория наполненная...

Кузьминов:

Сначала вопросы только.

Якобсон:

Ну может быть, действительно сначала вопросы.

Кузьминов:

Мы только несколько выступлений послушаем.

Якобсон: И ничего другого не успеем.

Якобсон:

И еще одно. Хотя я, честное слово, не предполагал, что буду модератором. Модератор должен быть абсолютно нейтральным, но одну фразу скажу. Вот когда мы все время говорим – это хорошо или то хорошо, мы забываем, на мой взгляд – дальше не буду никак в дискуссии участвовать! – что вообще есть разные рынки и разные товары. И то, что хорошо для покупки гравия, – может не быть хорошо для покупки науки. И споры касаются сегодня не гравия. Есть люди сегодня, которые говорят – давайте вообще отменим электронные аукционы, конкурсность. Вот я лично был абсолютно за процедуры 94-ФЗ в отношении простых товаров. Мы были здесь плечом к плечу и с Артемьевым (руководитель ФАС. – **Прим. ред.**) и со всеми. Речь идет исключительно о закупках научной продукции, сложной техники. Здесь я поставил точку в этой своей реплике и собираю вопросы. Пожалуйста.

Навальный:

Здесь все-таки я вынужден кое-что добавить. Коллеги, здесь очень четко нужно понимать, что у нас есть процедура конкурсов и процедура аукционов. Вот в конкурсах сколько угодно можете вводить свои квалификационные требования. Там это все прописано. Там часть качества, квалификации – это 45 пунктов из 100.

(Из зала): 20, 20, 45 – это извините.

Навальний:

Для некоторых это принципиально важный момент. Это большой миф о том, что там везде аукцион, что там везде понижение. Это не так. Везде можно вводить квалификационные требования. Что касается вашей инновационной продукции. Вот в вашей концепции написано, что нужно сделать исключение для инновационной продукции, каких-то там таинственных технологий. Самая инновационная продукция, которая закупается, она у меня сейчас в кармане лежит – называется айфон. А чем его покупка отличается от покупки хозяйственного мыла? Да ничем. Абсолютно она не отличается ничем от покупки айфона. Если идет речь о покупке томографа, его покупка ничем принципиально не отличается от покупки домашнего кинотеатра. По сложности примерно одно и то же. Поэтому... Синхрофазотроны мы покупаем крайне мало. Я хотел бы показать – я заканчиваю – структуру. Вот давайте посмотрим, мы все время говорим про науку, какие-то НИКРЫ и так далее.

Из зала: О них спор идет.

Навальний:

Совершенно верно. Так вы же предлагаете отменить 94-ФЗ вообще. Вот у нас в стоимостном выражении 72% – через аукционы и 24% идет по конкурсам. И в эти 24% ваши любимые НИКРЫ, это достаточно сложно посчитать, но я думаю, занимает меньше 10%. Поэтому, когда мы говорим, что у нас наука,

НИКРЫ и мы не можем закупать, я хочу обратить внимание и сказать: друзья мои, те, кто так говорит, должны понимать, что на вас лежит ответственность, что за вашими спинами сидят ребята вот с такими лицами, которые потирают руки и хотят закупать мазут, бензин и уголь по цене на 20% выше рыночной. Что касается стратегии...

Якобсон:

Давайте так – мы сейчас соберем вопросы, будет возможность ответить. И обязательно еще будет возможность выступить. А если мы сейчас в перепалку погрузимся, все сломается. Собираем вопросы вот так, по часовой стрелке. Короткие вопросы. Записываю вопросы – затем короткие ответы. Пожалуйста.

(Студент, имя неразборчиво): ... Кафедра публичной политики. Я вообще из тех студентов, которые писали Алексею гневные письма после его поста. Но у меня вопрос скорее к Ярославу Ивановичу. Можно ли считать, что ФКС – это пример того, что это импорт института, и в таком случае как возможна адаптация ФКС к современным российским условиям, к условиям коррупции?

Кузьминов:

Да, спасибо. Давайте быстро ответу, иначе все забудется. Очень хороший вопрос. Это не импорт институтов. ФКС американская – у меня толстая книжка лежит по американской ФКС – это ФКС, основанная на процедурах. Но у нас слабое государство, очень слабое государство, сильно рыхлое. Мы не можем в той степени полагаться на процедуры, осуществляемые чиновником. Мы должны обязательно вводить публичный контроль. Поэтому та ФКС, которую предлагает Высшая школа экономики, основана на постоянном опубликовании всех процедур – там гораздо больше, чем в зарубежных контрактных системах элементов открытого обсуждения.

Гораздо меньше коммерческой тайны, гораздо больше открытого обсуждения. Кстати, вот сейчас мы будем следить. У нас ведь та концепция, которую мы внесли, сейчас будет обсуждаться и развиваться. И если будут вымываться эти элементы публичного контроля и публичного обсуждения, то мы не будем молчать.

Якобсон:

Вопросы. Идем по кругу. Да.

Александр Малютин:

Александр Малютин, журнал «Форбс» и ЖЖ «Закупки Ньюс». У меня два вопроса, один побольше, один поменьше. Маленький вопрос такой – вот мы открыли этот ваш конкурс с баннерами. Что вы с ним будете делать, отмените, переиграете или что? Второй вопрос касается возможного Федерального агентства по закупкам или по надзору за закупками. Могло бы быть хорошее название – ФАНЗ. Плюсы и минусы, нужно его делать или не нужно? Федеральное агентство по закупкам, да, потому что этого касаются разные ведомства с разными функциями. Кто-то экономит деньги, как Минфин, а кто-то борется за конкуренцию, а кто-то должен контролировать, как Счетная палата. Вот нельзя ли все это объединить в одно и чтобы оно этим и занималось? Спасибо.

Кузьминов:

Относительно второго вопроса, я считаю, что есть плюсы и минусы. Каждое создание нового ведомства – это огромная организационная разруха, огромная. Я бы, честно говоря, отдал бы это ФАС. ФАС имеет большие недостатки, но это сложившееся ведомство, как я сказал, с очень большим элементом публичного интерфейса. ФАС умеет это делать, может быть, потому...

Из зала: Есть еще функция контроля за рисками.

Малютин:

Нескромность закупок, это кто должен этим заниматься?

Кузьминов:

Я считаю, что общественность должна заниматься. Останавливать должна та же ФАС. Мы должны просто кодекс принять. Знаете, в Штатах все чиновники ездят на «Шевроле». А если ты хочешь «Лакшари» – просто покупай за свои деньги и ездь. Тебе министерство будет доплачивать что-то за использование собственной машины. Можно так сделать. Относительно нашей закупки, мне кажется... вот, смотрите, я одну штуку вам покажу – мы стали автономным учреждением, то есть мы вышли из-под 94-ФЗ. Первое, что мы сделали, еще не ставши им, мы разработали вот такое положение о закупках. Здесь есть и все позитивные элементы 94-ФЗ, и элементы публичного обсуждения условий, о чем мы говорили, принятых ФКС. То есть это такая мини-ФКС. Сейчас мы его будем пилотировать, регламенты под него писать. Не сразу – регламент, если он от фонаря написан, то работать никто не сможет. И в данном случае то, что мы обсуждаем, то, что Алексей там увидел, – это мы уже свою собственную закупку выставили на публичное обсуждение именно для того, чтобы в том числе и такие вопросы вызывать. В данном случае я считаю, что критика неправильная. Я в этом деле разобрался. Нам нужен портал тренировочного ЕГЭ. Он есть на совершенно конкретном сайте. Есть, кстати говоря, три больших сайта сугубо образовательных. Я забыл, как называется, «Учеба.Ру», по-моему. Вот она больше рассчитана на школу, поэтому она менее нам интересна, хотя ее больше посещают. Потом еще два сайта идут. Нам конкретно там разместиться нужно. И, в принципе, мы могли бы спокойно сделать контракт с ними по их цене. У них, кстати, эта цена объявлена. Но мы объявили тендер, потому что люди подумают и, может, как-то подешевле нам это дело

предложат, чем их собственный преискуронт. Мы внимательно ведем мониторинг, и у нас есть с прошлого года данные, что именно с этого портала к нам приходило наибольшее число новых абитуриентов. У нас есть своя маркетинговая служба, и мы не скрываем этого совершенно. Я вполне серьезно говорю. Я признателен за любую критику наших закупок, и будущую тоже. Думать, что ректор или там пиар-директор по каждой закупке принимает решение – это паранойя, ребята. Мы контролируем, в том числе и с помощью публичной реакции на то, что будет размещаться и обсуждаться. Это нормальный метод. Мы признательны за любое обращение, даже несправедливое. Единственно, что выводы, наверное, не надо было так быстро делать. Может быть, просто сказать, что у вас есть вопросы и нам надо разобраться.

Якобсон:

Ну вот опять я чуть выйду за рамки обязанностей модератора и просто скажу, что всякий, кто это прочитает – все на портале висит, – увидит, что для себя мы не отменяли 94-ФЗ в отношении мазута, бумаги, у нас здесь в точности 94-ФЗ. А по сложным закупкам другие процедуры. Но написано, в каких случаях какие, все прозрачны.

Из зала: А зачем Вышке мазут? Мазут Вышке зачем?

Якобсон:

Ну не мазут, бензин.

Кузьминов:

Я, между прочим, должен... у нас есть какой-то учебный центр в Вороново, и там есть котельная. А для нее нужен мазут. Поэтому мы такие широкие и обильные.

Якобсон:

Следующий. Идем по кругу.

Филипп Тасалов:

Большое спасибо. Филипп Тасалов, аспирант факультета права ВШЭ. Хотел бы задать вопрос уважаемому Алексею Анатольевичу. Уважаемый Алексей Анатольевич, не кажется ли вам, что реформу госзаказов, необходимость которой уже назрела, и никто этого отрицать не будет как среди экспертов, так среди политиков, нужно начать с Антимонопольной службы? Я попробую пояснить. Может быть, я ошибаюсь, конечно, но Антимонопольная служба является федеральным органом исполнительной власти, которая так же, как и другие заказчики, занимается размещением заказов. Встает вопрос, кто же контролирует Антимонопольную службу, которая размещает определенные заказы? Фактически в данном случае ФАС контролирует сама себя. И честно говоря, это выгладит достаточно странно, мне так кажется. И второй вопрос, к вам и многим сторонникам электронных аукционов. Безусловно, у них есть большое количество плюсов, но как вы думаете – вопрос, возможно, покажется риторическим, – хотели бы вы жить в доме, который вам построит компания, о которой вы ничего не знаете, кроме того, что эта компания предложила наименьшую цену на электронном аукционе? Я знаю, что есть показатели 50 миллионов... да, да, спасибо большое.

Навальный:

Спасибо большое. Замечательный вопрос. Значит, первое, не ломимся в открытую дверь, реформа действительно назрела. Что касается ФАС, она проверяет себя сама. Ну а не то ли самое и с судами?! Судьи сами себя контролируют и решают, кого вывести из-под иммунитета, кого не вывести. А не то же самое и со Счетной палатой? А не то же ли самое с гаишниками,

которые других гаишников ловят или не ловят? Но мы не можем создавать пирамиду бесконечно. Поэтому, если в ФАС есть система государственной власти, если мы знаем, что кто-то жулик – пиши на него в прокуратуру, в милицию, ну и так далее, в ФСБ. Существуют некие контролирующие органы. Мы же не в вакууме живем, мы живем в некой системе власти, которая хотя бы формально существует. Это первое. Второе, что касается строительства, – это еще один огромный миф. Я хотел бы, чтобы все еще раз поняли – да, стройка идет через аукцион. Но сейчас есть все возможности установить для стройки квалификационные требования. Если вы знаете... но что значит – нет? Саморегулируемые организации. У нас есть закон о саморегулируемых организациях! Вы имеете право потребовать, чтобы компания ваша была членом саморегулируемой организации.

Из зала: Вас отменяют!

Навальний:

Не отменяют. Уважаемые, вы не читали закон...

Кузьминов:

Так, коллеги, давайте Алексея не будем перебивать. Это нехорошо. Он, между прочим, несмотря на дурную репутацию, сидит и никого не перебивает. Берите пример.

Навальний:

Что, у меня настолько дурная репутация?!

Кузьминов:

Это я пошутил.

Навальний:

Видимо, не настолько... Значит, сейчас можно включить это требование. Вы можете требовать, чтобы строитель был членом саморегулируемой организации. Следующее, если строитель строит что-то дороже, там, 50 миллионов рублей, – а большинство строек дороже 50 миллионов рублей, – вы имеете полное право включить требование, чтобы он строил что-то в этом регионе на 20%. Вы можете это включать, а можете не включать. Вот почему-то жулики этого не включают, а добросовестные заказчики включают. И никто не может взять контракт на миллиард, если он до этого не построил на 200 млн. рублей. Поэтому это большая фикция. Кроме того, сейчас есть все возможности для введения финансового обеспечения до 3%. Поэтому, если вы мне скажете, что какой-то непонятный строитель пришел и построил нам что-то на миллиард... Непонятный строитель не может принести банковскую гарантию или финансовое обеспечение на 300 миллионов рублей. Есть механизмы сейчас, ими просто не хотят пользоваться. Ну и, кроме того, у нас есть статистика. Статистика, к сожалению, только по Москве – по невыполненным контрактам. Здесь тоже существует большой миф, что всех там кидают и разбегаются. 99% контрактов исполняется. В любом случае, многие из нас помнят 94-ФЗ годичной давности. Когда любой строитель мог принести фантик-бумажку – страховое обеспечение. Это была колоссальная ошибка ФАС, этот фантик ничего не стоил. Сейчас фантиков нет. Вы должны принести деньги, банковскую гарантию, то есть нечто – залог, по которому с этих строителей будет снято 300 миллионов. Они не будут этим рисковать.

Якобсон:

Еще вопрос. У меня просьба, так вот по кругу пойдем.

Из зала: Можно, в обратную сторону – один вопрос здесь, потом дальше.

Якобсон:

Ну, давайте, уже договорились ведь так. Правила решили соблюдать. Но давайте.

Кузьминов:

Ну я думаю, если нам электричество не выключат, мы все успеем. Поэтому не беспокойтесь.

Сергей Габэстро:

Спасибо большое. Я генеральный директор портала «Фабрикант.РУ». Здесь немножечко шла речь о тех площадках, пять из которых отобрали и которые были обжалованы во всех судах, и о том, кто принимал это решение. Я хотел бы возразить Алексею здесь. На мой взгляд, миф о том, что это политическое решение, его очень усердно ФАС распространяет по всей стране. На мой взгляд, это, конечно, не так. И единственно кому, на мой взгляд, выгоден сегодня этот 94-ФЗ, это как раз ФАС, которая с его помощью набрала достаточно мускулов и продолжает набирать, а руководство, пусть оно даже кристальное и чудесное, руководство ФАС покрывает низовую коррупцию, которая расцвела везде по всей стране, и сегодня сотрудников ФАС, безусловно, как судей...

Якобсон:

Это вопрос?

Габэстро:

Да, это вопрос. А вопрос очень простой: Алексей, вы понимаете, что льете воду на мельницы ФАС, защищаете их интересы? При этом, вы, как умный человек, занимающийся тем, чем вы занимаетесь, знающий, что основной источник коррупции не в ведомстве, а в контролирующем органе. И вы прекрасно отдаете себе в этом отчет. И второй – маленькая реплика-вопрос.

Вы бы стали работать в компании, куда вас зовут на работу и при этом сразу говорят: мы исходим из того, что вы вор? Вот такой простой вопрос.

Навальный:

Первое – я точно совершенно не являюсь большим фанатом ФАС, у меня с ними огромное количество конфликтов. У меня к ним огромное количество претензий по тому, как они отдельные решения принимают. У меня есть большие претензии к ним относительно их поправок в 94-ФЗ, где они требуют, например, введение пошлины за рассмотрение жалоб. Они хотят таким образом себе облегчить работу, усложнить ее нам или сделать ее невозможной. И в том смысле я буду жестко и агрессивно их критиковать. Но, понимаете ли, если есть основания полагать, что эти пять площадок были выбраны коррупционным путем... У меня есть такие основания. Я считаю, что там была коррупция. Я этим не занимался предметно, но видно, это есть. Ну так что же вы не формализуете этот процесс? Когда я, например, занимаюсь «Газпромом», меня многие считают, что я невоспитанный, я вешаю фотографию этого человека, я говорю – вот его фамилия, я считаю, что он жулик и украл миллиард, вот заявление в прокуратуру. Прокуратура отменяет, я бегу дальше в суд бороться с прокуратурой. Что вы так не сделаете?

Габэстро:

Алексей, это ваш бизнес. У меня здесь несколько другой. Да, я готов здесь с вами скооперироваться.

Навальный:

Нет. Мы же о том, вспомним о Евгении Григорьевиче, который отсюда ушел. Он же сказал, что если мы выдвигаем обвинения... Мое любимое занятие – выдвигать обвинения, но я их формализую. Если я выдвигаю неправильное обвинение, на меня всегда можно написать заявление на заведомо ложный

донос. Давайте формальным путем идти. Есть факты, принесите их мне, я сам подам в суд на ФАС с большим удовольствием.

Якобсон:

Потом перейдем на правую сторону. Пожалуйста, подойдите.

Навальный:

Вторая часть вопроса: пойдете ли вы туда, где заведомо считают, что вы вор? Понимаете, тут у нас есть группа мониторинга в «РосПиле». Там работает 2000 человек. Из них подавляющее большинство присылают мне каждую закупку, потому что автоматически считают, что за каждой закупкой – это коррупция. Ничем иным, кроме добросовестной работы, мы этого не изменим. Поэтому я пойду работать в любое место. Но я не буду воровать, и все вокруг постепенно узнают, что я не буду воровать. Это очень простая вещь.

Роман Доброхотов:

Роман Доброхотов, издание «Слон.Ру». У меня вопрос к Льву Ильичу и к Ярославу Ивановичу. Вот когда Алексей Навальный говорил о том, что вы собираетесь отменить 94-ФЗ, вы как-то роптали, что вы, дескать, этого делать не собираетесь, а просто вы будете делать дополнения. Так все-таки будет отменен 94-ФЗ, я так до сих пор и не понял?

Якобсон:

Поскольку я был назван раньше, скажу, что я не собираюсь ничего отменять. Мы готовили поправки к 94-ФЗ, не те, которые приняты, а те, которые не были приняты. Вот к чему я лично был причастен. Кстати говоря, позиция наших оппонентов и в МЭР, и в ФАС во многом изменилась. Поправки касались ровно того, что я упоминал. Понимаете? Туда свалено полно всего.

Но сейчас я дам слово Алексею Евгеньевичу. Так и будет, но чтобы потом не говорили, что я уклонился. Не уклонился. Мухи отдельно, котлеты отдельно. 94-ФЗ хорош для закупки мазута или бензина. А для закупки многого другого, в том виде, как он есть, он не подходит. Называйте, хоть 94-ФЗ, хоть 98-ФЗ, хоть ФКС, вот закупка всяких сложных вещей на сложных рынках должна меняться. Будет ли при этом название документа изменено, мне наплевать.

Навальний:

Что такое сложная закупка? Это, понимаете, такой пузырь мыльный. Расскажите.

Якобсон:

Сейчас объясню. Вот, например, культура, для которой ввели полную свободу, чего делать не следовало, а процедура нужна была. И наука, в которой такая же мера сложности, а процедура такая, как для мазута. Теперь насчет айфона, инновационность – вот мне подсказывают, что я модератор, это правильно, – инновационность это не когда что-то такое из проволочек, а когда это что-то принципиально новое. И где это принципиально новое, там вынесение на аукцион бессмысленно. Я могу об этом долго говорить, но я модератор.

Кузьминов:

Получил осуждающую записку Лев Ильич, хотя он честно отвечал на вопрос.

Навальний:

Реплика еще раз. У нас есть аукцион и конкурс. И все ваше инновационное, и с проволочками, и без, и наука – оно все идет через конкурс, а не через аукцион. Давайте не будем вводить в заблуждение.

Якобсон:

Я не буду сейчас говорить о том, как устроены эти конкурсы. Но слово действительно Алексею.

Алексей Лихачев:

Вопрос, на мой взгляд, интересный. Лихачев, МЭР. Принципиально важный вопрос, особенно для подрастающего поколения, чтобы журналисты, которые здесь сидят, ушли с четким пониманием: концепция не содержала, естественно, требований срочного, внеочередного с завтрашнего дня отмены 94-ФЗ. Более того, ваш покорный слуга персонально, в том числе и своей премией отвечает, – а то, может, ее и не будет, – отвечает, чтобы мы в течение первого квартала внесли в него порядка 15 поправок – в действующий 94-ФЗ. Хотите, можем отдельно целую лекцию этому посвятить. О чем говорит Алексей другой, Анатолевич, в данном случае? Он говорит о том, что есть у вас такая страница, я не читал, конечно, но на память – есть такая страница, номер три. в ней есть раздел – место законопроекта в законодательстве. И там написано, что тот закон, который мы делаем на замену 94-ФЗ по поручению президента, подразумевает внесение целого ряда поправок в смежное законодательство и, естественно, отмену 94-ФЗ, поскольку это есть редакция нового. И никакой здесь революционности не предусматривается. Я ни разу не видел действия одновременно в одном законодательстве двух законов о размещении госзаказа.

Навальный:

Все становится интереснее и интереснее, понимаете? У кого-то здесь плохо со зрением? Или мы говорим о разных концепциях? Сначала вы говорили, что 94-ФЗ – такой маленький элемент размещения заказа. А мы хотим выстроить какую-то мегасистему. Сейчас вы говорите, что это какой-то

новый законопроект, который вместо 94-ФЗ регулирует только его. Я читаю на вашей любимой странице – номер два, а не номер три – «Вносятся изменения в Гражданский кодекс, Бюджетный кодекс, иные законодательные акты, при этом признается утратившим силу 94-ФЗ». Поэтому...

Якобсон:

Я возвращаюсь к выполнению функций модератора. Возвращаюсь торжественно и прерываю эту дискуссию. Варианты ответа были получены. А теперь – следующий вопрос.

Из зала: А мы не поняли, что нам ответили...

Якобсон:

Вам ответили, пытаюсь перевести – в этом случае просто, как модератор. Есть две версии трактовки того, что здесь написано на второй странице. Одна версия, Алексея Евгеньевича, что 94-ФЗ утратит силу, поскольку его положения, те, которые сохранятся, войдут в состав другого закона. Трактовка Алексея Анатольевича, которая состоит в том, что те нормы, которые сегодня в 94-ФЗ, будут просто отменены и ничем не заменены.

Навальный:

Не так. Рома, ты задал вопрос, будет ли отменен 94-ФЗ, потому что Ярослав Иванович действительно в начале своего выступления немножко так общо взял. 94-ФЗ будет отменен. Если Ярослав Иванович сейчас скажет, что мы выстроим свою систему, а 94-ФЗ останется элементом этой системы, я немедленно встану и расцелую его прямо здесь.

Кузьминов:

Могу сказать свое мнение. Я никаких систем, Алексей, не выстраиваю. 94-ФЗ в том виде, в котором он существует, 70-80% его содержания, входит в

состав концепции Федеральной контрактной системы (ФКС). Соответственно, это должно войти в новый закон. Я готов обсуждать, какие вещи особо необходимо сохранить – давайте об этом конкретно говорить. Вы как-то лозунгами кидаетесь. 94-ФЗ, а если его переименуют, он что от этого, изменится? Содержание-то останется. И что мы спорим, я не понимаю. Просто чудной какой-то разговор получается. Мы же взрослые люди, мы что, не знаем, каким образом законы меняются? Они номера меняют по пять раз, а содержание остается. А другие номер сохраняют, а как в 94-ФЗ – 75 % содержания другое. Да какая разница? Как ни назови, только в печку не ставь. Обсуждать давайте все-таки. В данном случае вы, как журналист, извините, провоцируете это перекидывание словами, бессмысленное, отвлекающее силы людей от реальных проблем, которые надо обсуждать. Извините за такого рода упрек. Давайте конкретно спрашивать. Какого именно рода положения. Мы боимся, что они утратятся. Аукцион не будет отменен. Сохранятся электронные аукционы. Я считаю, что электронные аукционы – хорошая форма. Целый ряд проблем по входу на рынок решает эта форма. Но просто одна она – я пытался вам изложить свое видение – не работает, в том числе не только с несовершенством 94-ФЗ, неурегулированностью там каких-то проблем, а с элементом Бюджетного кодекса. Я слышу, что мы опять начали уходить в какие-то перекидывания словами. Я тогда уйду, мне скучно присутствовать при перекидывании словами. Все люди серьезные.

Якобсон:

Позади вопрос. А я все хочу до правой стороны дойти. Ну, пожалуйста.

Александра Писарева:

Писарева Александра, руководитель проектов «Левада-Центра», выпускница социологического факультета ВШЭ. Ярослав Иванович, вот вы говорите, вы конкретики хотите. Вы говорите – давайте перейдем к конкретике. У меня

как раз по конкретике вопрос. Мне, как социологу, интереснее всего, что с этой ситуацией с баннерами, с кого спрашивали, вы сказали, что разобрались с этой ситуацией. С кого спрашивали, как именно спрашивали, что получили в итоге? Действительно там нет никакой коррупции и ничего такого не присутствовало?

Кузьминов:

Изначально я заинтересовался ситуацией с баннерами, даже об этом написал, что сумма мне показалась великоватой для такого рода дела. Ну я потратил час на то, чтобы посмотреть и аргументы, и предысторию вопроса. Я, собственно говоря, ответил, каким образом я это делал. Мне показали итоги прошлого года. Спрашивали мы об эффективности размещения именно на данном сайте. Вот с этого сайта к нам пришло достаточно большое количество абитуриентов. А что вы имеете в виду еще, кого я опрашивал конкретно? Есть конкретные люди. Есть пиар-директор, начальник управления, заместитель директора. Вот Антон Молодцов, он вам может рассказать про это дело. Можете его проинтервьюировать. Но, честно говоря, я еще раз говорю: ну не вижу я в этом конкретном случае не только коррупционности, но и неэффективности. Это нормальная целевая закупка, в которой конкурсом попытались понизить цену. Все. Пожалуйста, ищите у нас, я серьезно говорю, в хозяйственном блоке. Вот сейчас все хозяйственные закупки наши будут на нашем портале размещены заранее. Обсуждайте их. Мне очень интересно, чтобы больше фирм пришло. Потому что из года в год мы стараемся, приводим, но те же самые ходят, в разных реинкарнациях ходят, переименовываются. С этим очень тяжело бороться – среда такая, что она порождает в себе всякие странные вещи. Мы – большое заведение, мы заинтересованы в том, чтобы и наши студенты, и наши выпускники, и посетители интернета помогли нам расширить круг поставщиков и получить оптимальные цены за наши услуги. Вот сейчас мы не скованы формальностями 94-ФЗ, мы взяли от него содержание и сейчас

будем отрабатывать это оптимальное содержание на себе. И главный элемент этого содержания – это публичность. Вот Вадим Анатольевич Самойленко сидит, проректор, который отвечает за ведение хозяйства и все закупки текущие, закупку, покраску, ремонты. Теперь будешь вести регулярный диалог с Интернет-сообществом.

Навальный:

Я должен добавить. Вот то, что сказал Ярослав Иванович, это типичный пример доказательства, почему не нужно отменять 94-ФЗ! Вы же спросили про суть. По формальным признакам, и так далее. Я не специалист в области интернет-рекламы, хотя я на этот конкурс больше часа потратил. И вы не специалист. Я же предложил: давайте создадим группу ваших студентов, которые посмотрят эту ситуацию с точки зрения целесообразности. Мы не говорим про формальную часть. Давайте посмотрим с точки зрения целесообразности.

Кузьминов:

Я услышал. Я не отказываюсь.

Навальный:

Поэтому я и хочу сказать, что эта концепция предполагает, что условному Ярославу Ивановичу будут отданы любые полномочия. Ярослав Иванович прекрасен, и мы его любим. Но я не готов заменить все процедуры принципом, который состоит из двух слов: «я хочу». Я хочу эти деньги сюда, хочу эти деньги сюда. Я не доверяю этой вкусовщине. Я хочу процедур. Ну так вот, давайте ваша группа студентов и по этому талмуду проверит эту вашу закупку на два миллиона и опубликует в Интернете.

Евгений Бородавский (компания «Единые торговые системы»):

Занимаюсь информационными системами. Проглядывал ваш сайт, Алексей, где существует порядка 8-10 конкурсов, у меня к вам вопрос и предложение.

Вы получили общественные деньги, 5 млн. или больше. Как будете отчитываться за эти деньги, как оплачивать, кого и как привлекать и какая процедура закупок будет (аукцион, конкурс или свою пропишете)? Будет очень интересно.

Навальний:

Замечательный вопрос, он такой, с подковыркой. Я хочу сказать, что пожалуйста – это точно касается Высшей школы экономики. Возьмите с меня пример – потому что то, что сделал я, абсолютно прозрачно. 10 тысяч человек прислали мне свои 500 рублей, потому что я изначально декларировал, на что пойдут эти деньги. Яндекс специально сделал мне систему двух ключей, посторонние люди могут посмотреть, куда деньги пришли, куда ушли. Это все абсолютно прозрачно. Мы абсолютно прозрачны, мы платим все налоги, это абсолютно прозрачная система. И я вижу – не хочу переоценивать свои скромные возможности, но мне люди верят и деньги присылают.

Бородавский:

Где посмотреть прозрачность?

Навальний:

Пока ни одной копейки не потрачено. У нас есть четыре человека, которые имеют эти ключи, я о них говорил, их все знают. Пока ничего не потрачено. Когда будет тратиться, все будет публиковаться со всеми скриншотами, выписками и так далее. Хотите я вас включу?

Бородавский:

Очень хочу!

Навальний:

Когда Ярослав Иванович скажет: «Навальный, давай я тебя включу в тендерную комиссию Высшей школы экономики!». Но он такого не скажет, а я вас всех тут могу включить!

Бородовский:

Я не отношусь к ВШЭ, поэтому если вы меня включите, потому что я не отношусь к ВШЭ, это будет несправедливо.

Навальный:

Я включу и вас, и Ярослава Ивановича. И это будет большая честь для меня, если Яков Иванович будет среди этих контролеров.

Бородовский:

У вас были планы, вы их опубликовали, люди вам дали денег, то есть мы можем следить за всеми передвижениями ваших средств? Это и есть Федеральная контрактная система!

Навальный:

Это не так! Понимаете, это, конечно, замечательно, хороший риторический прием. В вашей Федеральной контрактной системе предусмотрено изменение контракта на 20 процентов. Вот я сказал, что я юристу плачу 60 тысяч рублей плюс налоги, я ему 66 платить не буду, а ваша система предусматривает, что можно немножко туда, немножко сюда.

Из зала: А вы попробуйте все свои аукционы провести по 94-ФЗ по услугам, которые вам оказывают юристы, и разместите эти услуги на пяти площадках.

Навальный:

Я согласен. Мы проводим все конкурсы по процедурам лучше, чем 94-й закон. Я сказал в самом начале, что 94-й закон несовершенно, там много чего нужно исправлять. Я знаю это. Я делаю все по улучшенному 94-му закону.

Якобсон:

Я не могу не дать возможность Елене Панфиловой задать вопрос.

Елена Панфилова (директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Россия»):

У меня первое замечание. Это замечательная дискуссия про закупки. Нам не стоит забывать, что коррупция в закупках не оторвана от другой коррупции во многих других вещах. Победив коррупцию в госзакупках, мы не победим коррупцию со стороны контролирующих органов, правоохранительных органов. Одним законом и контрактной системой ничего не поправишь. У меня вопрос к создателям ФКС. Когда разрабатывалась ФКС, помимо необходимости улучшать, (считаю, что все надо улучшать) вы эту концепцию проверили на коррупциогенность, согласно требованиям законодательства? И второе. Самое главное – вы обратили внимание на жесткие требования к публичным закупкам в Конвенции ООН против коррупции, которую Россия ратифицировала, а там есть расхождения с вашей концепцией, там есть 9-я статья, в части принятия решений о публичных закупках. Если этого не сделано и вы хотите, чтобы это соответствовало реальным крупным блокам антикоррупционного законодательства, это надо сделать.

Кузьминов:

Я отвечу. Спасибо, Лена, я прослежу за тем, что вы сказали, и мы дадим вам то, что мы сделали. Минэкономики пусть сами принимают решения, там изменения по сравнению с нами. Но мне кажется, что мы не должны ориентироваться на определенные ведомства, потому что нас связывает

Кузьминов и Набиуллина, понятно, муж и жена – одна сатана. Честно говоря, мы работаем со всеми заинтересованными ведомствами. На этом этапе нам полезно выступать от себя, это даст нам большую свободу рук, легче нам будет без бюрократических согласований артикулировать те вещи, которые мы считаем абсолютно принципиальными. Я повторяю – у нас достаточно слабое государство по сравнению с другими странами. Нам нужна гораздо большая публичность и вовлечение общественности. Большее вовлечение общественности, оплачиваемые экспертные команды. Необходима обязательность процедур публичного обсуждения, где специальные органы должны следить за их неформальностью, если хотите. У нас должны быть специальные оплачиваемые экспертные команды, потому что судьба неоплачиваемых команд ясна со второго дня. Целый ряд вещей должны поставить как особенные. Вы правильно сказали, что если Россия что-то подписала, мы должны учитывать эти вещи. Если вы что-то такое замечаете, говорите нам, и мы будем изменять свою концепцию и коллегам посоветуем это сделать.

Панфилова:

А МЭР проверяло?

Лихачев:

Конечно, нет, поскольку документа пока не существует, даже в первом приближении согласованного кем бы то ни было. Без сомнения, концепция будет направлена в Минюст, в том числе на антикоррупционную проверку. Про общественный контроль я не говорю. Сейчас одну вещь скажу, если позволите. На самом деле ФКС живет и побеждает. В каком смысле? У нас есть план мероприятий по корректировке законодательства в части госзакупок. Это отдельный план, который Путин утвердил. И там он тоже состоит из отдельных нормативных актов. В частности, постановление правительства по принципам формирования планов-графиков размещения

госзаказа. Эти документы в обязательном порядке попадают в Минюст, в том числе и на антикоррупционность.

Панфилова:

Ну и про конвенцию. О ней регулярно все забывают, никто о ней не помнит, потом мы возвращаемся к этому вопросу.

Лихачев:

А вот и неправда. Если вы читали наш от 17 числа обновленный вариант, там есть ссылка на конвенцию ООН, в том числе и по факту заинтересованности. Мы обратим внимание на ту статью, про которую вы сказали.

Якобсон:

У нас правила, как в 94-ФЗ, меняются, теперь пойдем справа налево.

Евгений Онищенко (Физический институт):

У меня вопрос к Алексею. У вас есть такой образ очкарика-профессора, которым прикрываются нехорошие люди, кооператив «Озеро», неважно кто. Я бы хотел затронуть проблематику тех вещей, которые здесь просто не упоминаются, рассказать о НИР.

Навальный:

С большим удовольствием выслушаю. Безо всякого сомнения, это нелинейный процесс, огромное количество проблем, их нужно исправлять. Если вы из Физического института, я так предполагаю, что вас как раз интересует эта часть конкурса. Без всякого сомнения, ФЗ-94 надо править в этой части. Но все-таки я хочу напомнить, что за очкариками-физиками стоят мордатые ребята с соляжкой!

Кузьминов:

Давно из сапог-то вылезли ребята с соляжкой. Они морду путем фитнеса уже привели в хорошее состояние.

Олег Солодухин (вице-президент Компании развития общественных связей):

Я десять лет вице-президент по госконтрактам в своей компании. И все-таки хотелось от вас, Алексей, услышать более подробно о конкурсной части. Постоянно какие-то мифы создаете, у вас цифры скачут. Большинство конкурсов все-таки это 20 процентов. В основной массе конкурсов, это вы правильно сказали, не НИРы и не произведения искусства. 20 процентов и 80 процентов цена. Слава богу, появилось 722-е постановление, которое какую-то свободу маневра создало для заказчиков. Второе – у меня ощущение, что вы противоречите сами себе. Несколько раз у вас прозвучало: должно быть нормальное ТЗ, тогда все будет хорошо. Это и есть образ добросовестного заказчика, о котором говорила Высшая школа экономики и о котором говорили на представлении проекта Министерства экономического развития. Вы говорите об идеале, его не может быть в природе. Ошибки в ТЗ не избежать. И третий вопрос, Алексей, а решения ФАС вы мониторите? Там чудесные решения бывают. Вы, например, можете себе представить, что ФАС, которую вы все-таки довольно хорошо позиционируете здесь, принимает решение о количественном критерии: одна рекламная компания не расписана в техническом задании, и мою жалобу ФАС отвергает. На основании количественного критерия. И, Алексей, что будет происходить с конкурсами в проекте – вопрос к вам, потому что я знаю, например, что PR попал в одну сферу с оценкой и аудитом. То, что внутри и снаружи, как бы в одном.

Навальный:

Не пойму, кто создает миф? Вы согласны, что в конкурсах существует 20-45%?

Солодухин:

Я бы сказал, что конкурсы на НИРы и НИОКРы – 45 процентов, на литературные произведения цифру не помню, на основной массив конкурс 20 процентов.

Навальный: Тем, кому нужно 45 процентов, у тех и есть те самые 45 процентов. Я считаю, что конкурсы должны быть разными. Я выходил на конкурс юридических услуг, где все очень сложно оценить. Там 20 процентов, мне кажется, достаточно. Они разные. Покупают совершенно разные вещи, начиная от услуг какого-то клоуна и заканчивая театральной постановкой. Все закупки индивидуальны – в одну строгую систему загнать нельзя. Но большую часть можно. Вышло постановление правительства? Вышло! 45 процентов вполне достаточно. Что мы ломился в открытую дверь. Нужно корректировать эту часть, и она будет скорректирована. Раз уж речь зашла о конкурсах, Ярослав Иванович вам талмуд показывал, а я вам пиццу покажу. Согласны все, что между МЭР и Вышкой есть конфликт интересов? Согласны все!

Из зала: Какой конфликт?

Навальный:

Родственные связи между руководителями организациями.

Из зала: Что же им, развестись?

Навальный:

Им не надо разводиться, здесь должен быть признан и везде прописан конфликт интересов. Здесь нет смысла спорить. Смотрим, в 2008-м Вышка выиграла 9 лотов МЭР из 49. Все по изначальной цене. В 2009 году 12 из 55, и все по начальной цене. В 2010-м – 16 из 58, и все по начальной цене,

кусочек пиццы становится все больше и больше, от который забирает Высшая школа экономики. Безо всякого сомнения, вы мне скажете, что кроме Вышки никто бы не сделал эти конкурсы, потому что у нее лучшие условия. Я вам скажу – я согласен. Но сейчас Ярослав Иванович прекрасный, завтра его злой Путин или злой Медведев прогнал и какой-то другой человек будет есть этот кусок недобросовестно. Наша задача – ввести ограничения. Есть хорошая Вышка, есть плохие люди, которые участвуют в конкурсах. Поэтому что вы мне предлагаете? Если внедрить конкурентные переговоры и презумпцию добросовестности заказчика, огромное количество таких пицц по стране будет съедено без остатка за три секунды.

Лихачев:

Нет, Алексей, здесь дело серьезное. Вы шутить-то шутите, но меру знайте. Надо точно посмотреть на один момент. Я хочу, чтобы вы, коллеги, все это представляли. Здесь дело не в том, что я замминистра экономразвития, просто есть упрямые цифры. Их можно по-разному трактовать. У вас лежит презентация полуторагодовой давности. Я тоже могу свою пиццу нарисовать. Она состоит в следующем. За исключением одной темы, о которой я скажу отдельно, участие Вышки в НИРах и НИОКРах Минэкономразвития. 2004 год (Греф) – 6,9. 2005 год (Греф) – 10,4. 2006 год (Греф) – 7,5. 2007 год – приходит Набиуллина – 5,8. Восьмой – 6,9, 2009 – 5,3. 2010 – 4,4. Это проценты. Речь идет о несколько большей пицце. В 2007-м происходит еще одно событие – Вышка выходит из-под влияния Минэкономразвития и становится правительственной структурой. Ей Собянин поручает реализовывать огромный объем работ по административной реформе. Красные куски – это фактически реализация программы, утверждаемой на комиссии по административной реформе, которые идут совместно с финансированием Минэкономразвития. Поэтому всегда есть две правды. Алексей, вы хороший, перспективный молодой политик. Не переходите грань.

Навальный:

Еще раз: кто же говорит, что существует какая-то коррупция? Я такого совершенно не утверждаю. Я говорю, что есть явный конфликт интересов и есть явный рост заказа. И я говорю, что в другой ситуации, если бы сидели не вы и прекрасный Ярослав Иванович, а совершенно другие люди, это могла бы быть коррупция. И поэтому если дать возможность Ярославу Ивановичу исходить из презумпции его добросовестности, то злой Ярослав Иванович, Ярослав Иванович-2, будет делать все коррупционными методами.

Кузьминов:

Алексей, давайте я выскажусь по этому поводу. Первое – вы говорите о доле Вышки в контрактах, которые идут по принципу 94-ФЗ. По 94-ФЗ все эти контракты выиграны, друзья. Это действующий ФЗ. Относительно конфликта интересов – я не частный предприниматель. Я вообще ректор государственного университета – это порядка ста научных коллективов, каждый из которых участвует в конкурсах самостоятельно, а все, что делаем мы – смотрим, чтобы они из принципа «кто первый подал» не конкурировали друг с другом. Мне что, с рынка уйти? Вышка – самый большой не просто экономический университет, а самый большой экономический центр страны, просто количественно. И, естественно, о конфликте интересов и мной, и Эльвирой было заявлено, как только Набиуллина была назначена на соответствующую должность. Мы сделали все, что от нас зависит, для того, чтобы никто таких вещей не говорил. Я согласен с Лихачевым, та большая доля, о которой вы говорите – Минэк здесь ни при чем. Это аппарат правительства, правительственная комиссия по административной реформе. И действительно Вышка это дело обеспечивает. Если это вычесть, мы обсуждали вопрос о том, стоит ли Высшей школе экономики в этих условиях отказаться от участия в конкурсах Минэкономразвития. Извините, мои коллеги на это не согласны. Многие институты, тематика которых совпадает с тематикой именно государственного регулирования экономики, тогда

просто закроются. Знаете, если что-то показывать, надо показывать своим примером. Мы ограничили со всех сторон в той степени, в которой от нас это зависит. Тот пример, который вы привели, просто не характерен – это понимаемая тенденция – присутствие ВШЭ в контрактах Минэкономразвития. В той степени, в которой мы можем влиять на эти процессы, мы, уверяю вас, на них влияем. Можно ли ввести некие ограничения? Можно вводить предельную долю контрактов определенного исполнителя. Когда речь идет о прикладной науке, это и против монополизации рынка, это не только к экономистам относится, можно сказать, что больше 15 процентов того или иного рынка или направления, химии например, один университет или научный центр не может иметь. Это было бы разумное, на мой взгляд, ограничение, если мы и в этом секторе хотим, чтобы у нас развивалась конкуренция или многообразие в науке. Давайте придумаем. Но упрекать нас в данной ситуации не стоит, у нас понижающая тенденция присутствия Вышки, за что я регулярно получаю по шее от своих коллег, которые занимаются тематикой.

Навальний:

Ярослав Иванович, не надо ничего ограничивать. Вы же сказали ключевую вещь: вы эти конкурсы выиграли, так я хочу, чтобы вы их выигрывали. Я не хочу, чтобы вы их получали в результате конкурентных переговоров. Если выиграете, вопросов нет, а если получите в результате конкурентных переговоров – вопросы будут.

Якобсон:

Я обещал дать слово тем, кто позади. Пожалуйста.

Владимир Громковский:

Добрый вечер, уважаемые господа. Я основатель и владелец компании «Финематика», мы занимаемся инвестициями, проектным финансированием и прочими вещами. Я бы хотел некоторым образом повернуть ваше внимание. Меня последние годы волнуют вопросы нравственные. Если альтернатива – потерпеть нравственный ущерб, то пусть лучше украдет. Главное, человеческие отношения и справедливость. Рядом со мной справа сидит руководитель ВШЭ, я его знаю 37 лет, супругу я его знаю 26 лет. И я вам могу сказать, ни тот, ни другая не могут быть заподозрены в чем-то неприличном. В подтексте Навальный написал такую штуку на Ярослава Ивановича и Эльвиру Сахибзадовну: неизвестно, то ли он украл, то ли у него украли, а какая-то тень на него пала. Лучше бы украли, но на честных и благородных людей не падала бы никакая тень. Вы поймите, что в жизни главное – справедливость. Все остальное чушь. И я приветствовал бы со стороны Навального, если бы он использовал свою популярность. Так вот, уважаемый господин Навальный, это особые люди и, между прочим, не только у нас в стране, но в мире не так много людей, о которых можно было бы уверенно говорить, что они никогда и ни в чем не покривили душой и не взяли чужой копейки. Мне кажется это более важным, чем 94-ФЗ. И второе: я занимаюсь бизнесом уже много лет и ни разу не участвовал ни в одном конкурсе, я занят конкурентным бизнесом в частной сфере. И я хочу сказать, что байки, которые профессор Ясин и юрист Алексей Навальный рассказывают нам про институты хорошие, которые даже иногда работают, но плохой человек любой закон обойдет. Так вот я желаю вам всем быть хорошими людьми, это важно. И хочу сказать: я приветствую господина Навального, человека, который ловит нечестных людей, но история, в которой на честных людей была брошена тень, у меня вызывает большие сомнения, поддержу ли я политика господина Навального. Спасибо.

Навальный:

Требует ответа. Я же начал с того, что я здесь для этого – чтобы оградить. Я сюда пришел ровно для этого, чтобы не дать упасть тени. Я верю. Ни иронии, ни сарказма в этом нет. Ни тот, ни другой не замешаны в делах. Я хочу, чтобы процедуры оставались процедурами, а честный человек быть честным человеком не только потому, что у него есть друзья, которые могут прийти и сказать. Вы на полном серьезе пытаетесь внести идею о том, что надо делать исключение для добрых людей. Кузьминов – добрый, но я уверяю, что очень теплые слова благодарности звучали в адрес Лужкова, Рахимова, гораздо более теплые. Но теплые слова теплыми словами, процедуры процедурами.

Кузьминов:

Спасибо, конечно, Володя, за защиту. Но мне кажется, что честные люди могут сами за себя постоять. Мне приятно, что ты мне об этом сказал, обратите внимание, думаю, что Алексей не только на нас наезжал. Мы же вас позвали. Мы не боимся обсуждать наши закупки. Хотите, расходы наши проанализируйте.

Навальний:

Я без всякой иронии реально это ценю. Ни один человек до сих пор не... такое аутодафе непонятно для кого было подготовлено. То ли меня, то ли Ярослава Ивановича бы заклевали. Это надо ценить.

Якобсон:

Наверное, ни у кого не хватило бы духу прервать эту часть нашего обсуждения, но сейчас давайте вопросы.

Любовь Леденева:

Здравствуйте, я являюсь юристом проекта «РосПил». У меня несколько комментариев к дискуссии...

Якобсон:

Давайте только вопросы, комментарии без очереди

Кузьминов:

Давайте дадим возможность юристу проекта «РосПил» высказаться, только кратко.

Леденева:

Сейчас у нас политические дебаты, хотелось бы перейти к конкретике. К разработчикам законопроекта у меня следующий вопрос. Мы все говорим про открытость и публичность. Хотелось бы услышать, какую информацию и каким субъектам вы планируете предоставлять в открытом доступе? Я искала эту информацию и в концепции, и в докладе ВШЭ, но не нашла ее. Доклад ВШЭ 2010 года не соответствует заявлениям ВШЭ, тем, что делаются представителями в настоящее время. Например, в докладе (стр. 23), находится в открытом доступе, говорится, что общедоступная часть информации должна давать информацию внешнему пользователю о торгах, но при этом не говорится о других этапах закупок. Ничего не говорится о других этапах размещения заказа, то есть ни об исполнении, ни о контракте. Это, по вашим словам, должна быть закрытая информация, доступная только контролирующим органам. Публичность исключается из контроля данной частью информации. Скажем так. Второй вопрос – про гибкость. В том же докладе вы говорите, что вследствие возможного риска роста коррупции нужно предоставлять возможность выбора процедур закупок только главным распорядителям бюджетных средств. В настоящей же концепции вы представляете такие полномочия всем государственным заказчиками, в том числе мелким государственным учреждениям и другим организациям. Почему вы поменяли свою точку зрения? В 2010 году вы говорили, что в целях предотвращения коррупционных рисков целесообразно наделение

заказчиков такими правами только в лице главных распорядителей бюджетных средств. В настоящее время вы поменяли свою точку зрения.

Кузьминов: Достаточно. Ближе ко второму вопросу я потерял начало первого.

Ирина Кузнецова (директор Института госзакупок):

О чем речь. Если мы говорим об открытости, и в нашем докладе в прошлом году мы говорили, что должна быть открыта информация и по формированию закупок, и по размещению заказа. В концепции мы пошли дальше, мы говорим, что должна быть открытость по всему закупочному циклу. Второе – наша позиция кардинально продвинулась с этого момента. Мы считаем, что должна быть открыта информация не только по движению средств, но и, самое главное, что мы приобретаем. У нас сейчас непонятно, что откуда и почему мы покупаем. Вы попробуйте сейчас понять, используя 94-ФЗ, почему соль в стране и у кого ее покупают и сколько для этого нужно открыть PDF-файлов. У меня восемь человек в институте, которые открывают огромное количество PDF-файлов и смотрят тупо в экран, как Навальный. В экран восемь часов смотреть получается очень тупо, потому что система должна делать это автоматически. О чем говорил Бехтин? Это должна быть база данных, а не PDF-файлы, потому что наша информационная система, при всем моем уважении к ней, не позволяет анализировать информацию. Это банк документов, а нам нужна база данных. Все системы по формированию цен, обоснованию – все должны быть в открытом доступе: кто произвел, кто продает и с чьей стороны, какие характеристики, это позволяет судить о приобретаемых ресурсах. Тогда мы можем мониторить цены. Все обоснования цен, организация закупки должны быть в открытом доступе, то есть все, что делает чиновник, должно быть вывешено на портале – и как он принимал решение. И вот тогда мы сможем смотреть, как работает чиновник и что он приобрел. Когда мы проследим, как работают ресурсы, тогда ФКС сможем анализировать эффективность.

Мы многое чего покупаем, но мы не понимаем, как оно работает. У нас все заканчивается моментом подписания контракта. Второе – по выбору. Выбирается много процедур и дается возможность выбирать – нет, никакого волюнтаризма не будет. Мы хотим дать инструмент заказчику, который поставит в жесткие варианты его выбор. Но он должен быть обоснован, а не продиктован – это ты покупаешь по аукциону, а это по конкурсу. Выбор должен быть связан с особенностями рынков продукции и цены.

Кузьминов:

Не может быть такого. Если этого нет в концепции, давайте разовьем. Невозможно в случае однородных закупок, чтобы распределитель денежных средств выбирал разные процедуры. Это будет чистой воды коррупция. Просто это надо более четко писать, потому что начинают подозревать.

Кузнецова:

Мы в ВШЭ на презентации-2020 и показывали, каким видам товаров и услуг какие виды процедур характерны и должны быть предписаны заказчику в жесткой мере. Конечно, если вы покупаете скрепки и компьютеры, это рынок, где есть хорошая конкуренция. Здесь возможны аукционы даже в том виде, в котором идет сейчас.

Навальный:

Вы так говорите о предложениях Бехтина, как будто они учтены. Он сам говорит, что они не учтены. Вы прямо с ходу все хорошее собираете и поправки вносите?

Кузнецова: Нет, мы об этом две недели назад говорили, куда вас и Бехтина и не было тут.

Якобсон:

Это правда и я могу засвидетельствовать. Это означает лишь одно: независимо друг от друга люди предлагают одни и те же идеи. Значит, в правильном направлении движемся.

Бехтин:

Все мы тут апеллируем к НИОКРам и так далее. Кто-нибудь из вас может привести реальные цифры, на какие виды закупок какие бюджетные средства используются? В лучшем случае вы используете бюджетную классификацию, которая весьма и весьма слаба. А хуже реальная ситуация – реестр контракта 94-ФЗ был прописан авторами закона таким образом, что он был совершенно не связан с системой размещения заказов. Непрерывность контракта уничтожилась. После того как заказ совершился, проследить, какому контракту он соответствует, невозможно. Мы не предполагаем коррупцию, просто кто-то ошибся, бывает. Естественно, это необходимо проследить в ФКС. Важно другое – вы говорите про типовую продукцию. Я скажу реальные цифры – на типовую продукцию приходится 80 процентов всех закупок. Это очень много. И 20 процентов денег. Все остальные 80 процентов денег и 20 процентов закупок приходится на ту самую сложную продукцию – начиная со строительства атомных электростанций и заканчивая благоустройством территорий, которые являются работой, а не поставкой товаров и услуг. И то, что вы называете афйонами, – извините, это дурацкие примеры. Приведите в пример строительство автодороги Краснодар – Сочи, строительство здания. Это будут реальные примеры. Они составляют существенную часть закупок. Закупки Минобороны по публичному бюджету – это огромный пласт, и там не так много товаров, как хотелось бы. Мне кажется, что отличие ФКС в том, что наконец-то этот пласт закупок будет охвачен. Но то, что действительно не хватает прозрачности – конкурентной и общественной, – это большая проблема. И то, что законодатели не используют открытые данные, – это проблема. И последний вопрос – вы мне говорите про общественный контроль. Я вам скажу – какая

бы концепция ни была принята, все они не имеют значения. А кто будет контролировать депутата, который потом изменит эту концепцию через полгода? А это и произойдет, то, что произошло с 94-ФЗ. То же самое будет с ФКС. Кто проконтролирует весь цикл изменений, если через полгода Минобороны придет и скажет: мы будем закупать по запросам котировок для военнослужащих. И именно это изменение было внесено в замечательный ФЗ, где по запросам котировок покупалось жилье для военнослужащих. Кто избежит того, что олимпийская сборная не начнет закупать продукцию из единственного источника? То есть все эти группы лоббирования замечательно уживаются, только их регулирует ограниченное число лиц, высшее руководство страны. Кто проконтролирует депутатов?

Якобсон:

Хотел бы внести два изменения в происходящее. Первое – процедура оказалась тоже манипулированная. Просят вопрос задать, а начинают выступать. Какую процедуру ни прими, начальник ведет себя дискреционно. Я тоже буду себя так вести, вперемешку пойдут вопросы и выступления.

Леденева:

Я не услышала ответа на свой вопрос, ни на первый, ни на второй. Будет ли общественный контроль в исполнении контрактов? Нет ни в концепции об этом слов, нигде.

Кузнецова:

Будет

Кузьминов:

Извините, но вы повторяетесь.

Леденева:

Я не услышала о том, почему поменяли субъектов по размещению заказов.

Кузнецова:

Можно, я коротко. Уже сейчас в 94-ФЗ предполагается для разных субъектов разные виды полномочий. Есть виды полномочий, когда, например, мосты и прочее делается из одного источника. Это 94-ФЗ, 55 статья, которая раздулась раз в шесть. Если мы говорим о новом законодательстве, мы предполагаем, что все этим полномочия будут дифференцированы по-умному, а не как сейчас, когда каждая поликлиника должна найти где-то пять человек в комиссию, которые бы что-нибудь поняли в 94-ФЗ и начинали все закупать с нуля. Мне в муниципалитете говорят, что не понимают ничего. Дальше начинают манипулировать все кому не лень. Второе... Алексей, мы вас слушали. Второе – надо обсудить глубину дифференциации в сообществе. Даже среди разработчиков есть разные мнения, поэтому доклад ВШЭ мы не отвергаем, мы его обсуждаем.

Якобсон:

Коллеги, здесь локальная дискуссия началась. Здесь задавался вопрос: будет или не будет? Что будет, мы не знаем. Но я так понял, Ирина Владимировна концептуально согласна, мы не возражаем.

Онищенко (Физический институт):

Мы обсуждаем глобальные вещи, но когда речь заходит о конкретных законопроектах, людей, которые работают в той или иной отрасли, практически не спрашивают, есть определенная концепция, но нет специфики. Приведем пример науки. Алексей Анатольевич, я хочу сказать, что в 94-ФЗ и поправках МЭР в главе 2.2. не учитывается специфика научной деятельности. А именно – научная деятельность ведется отдельными группами и даже людьми. Вот Григорий Перельман, например, работает один. Но основная масса научных результатов получается у группы людей,

которые работают независимо друг от друга, даже сидя в одной комнате, в одном учреждении. Один раз про это Ярослав Иванович упомянул. Они добывают конкурсное финансирование для своих проектов, гранты, в 94-ФЗ это упоминается, различные иностранные фонды. И как-то тратят деньги. Теперь проблема. В законе есть не только 28-я статья, но и 25-я статья, где говорится, что участник не вправе подать больше одной заявки на лот. Для больших вузов типа МГУ и ВШЭ это гроб, потому что десятки групп, работающие независимо друг от друга в рамках одной спецификации, не могут подавать заявки, как они это делают в грантах.

Навальний:

Это одно юридическое лицо?

Онищенко:

Да. У них одно юрлицо. Но тематика может отличаться, но никто о них не говорит. Например, группа получила свои деньги, но есть только юридическое лицо – университет, МГУ например. Это считаются деньги университета. Начинают деньги приходить в МГУ. Встает процесс, потому что по номенклатуре сто тысяч, например, закупается сразу, но у групп есть свои исследования, они не могут закупить, они должны запустить бюрократию, котировку, тендер, потому что эта позиция выбрана. Активы нужны группе, но она уже выбрала. Вместо того чтобы пойти в магазин и закупить необходимые вещи, они ждут месяцами. Уже три тысячи человек молодых ученых в Интернете собрали подписи против 94-ФЗ именно из-за того, что денег еще нет, они начинают приходить со второго квартала. Более того, 94-ФЗ – это заключение контракта с учреждением, а грант РФФИ, например, это физические лица. Это безвозмездная субсидия, которая выдается определенному физическому лицу на ведение работы. Это признали и Минфин, и Налоговая инспекция – это деньги, которые передаются

физическому лицу. По закону, который ориентирован на государственные и муниципальные закупки, что есть полный бред.

Теперь антикоррупционная экспертиза. Можем ли мы руководителям грантов, которым предоставляются деньги в их полное использование, закупать что-либо? Имеет ли это смысл с точки зрения антикоррупционной деятельности? Обладатель гранта имеет полное право тратить грант на свою зарплату, на закупку оборудования, на что угодно. Главное, чтобы результат был. Он получит за вычетом социального налога свои деньги. Будет ли этот человек вступать в какие-то серые схемы, чтобы получить свои 20-30 процентов отката? Не будет. Так вот в том-то и дело, к сожалению, 94-й закон не учитывает специфику научной деятельности. Ему это просто невыгодно закупать все это оборудование, он его не использует. Он не закупает мясо для солдат, не будет его есть или строить олимпийскую дорогу. Он человек, который будет работать. Ему невыгодно, говорят только о закупке НИР. А это очень тормозит процесс в бюджетном учреждении. Вернусь к концепции МЭР. К сожалению, людей, которые работают, не спрашивают. И эта глава. Я ее посмотрел. Я вижу, что были благие намерения, экспертиза объективная, но, к сожалению, в научной сфере это вряд ли будет работать. Надо дорабатывать, ведь у нас есть не только кооператив «Озеро», не только друзья премьера и их братья, «Транснефть» и прочее, у нас есть отрасли со своей спецификой. Если мы будем говорить: а это по деньгам мелочи, всего 10 миллионов, или ноль один процент, то у нас останется труба, но не останется науки. Это серьезно. Люди из МГУ начинают уезжать не потому, что нет денег, а потому что их нельзя потратить.

Навальний:

Я надеюсь, отмена 94-го закона, конечно, остановит всех этих людей. То, что вы сказали, – адская мешанина из всего. Она ориентирована на тех, кто не

понимает ничего в ФЗ. Не надо путать структуру своего МГУ... 94-й закон в этом не виноват. У нас деньги выделяются по госзаказу, но есть субсидии для уникального ученого Пети. Мы не ждем от Пети, чтобы он нам товар принес, здесь нет встречного движения товара и денег. Деньги Пете даются просто так, Бюджетным кодексом это предусмотрено. 94-й закон не виноват, что Садовничий у вас мутит какие-то схемы. То же самое относится к Ирине Владимировне, которая проявила просто чудеса манипуляции. Рассказывает нам, что муниципалитеты несчастные страдают. У нас заказчиков в стране 200 штук, 200 тысяч субъектов, которые должны разбираться в 94-м законе. Но это не проблема закона. Библиотека, например, не должна закупать книги по 94-му закону, она должна их кому-то давать. Оттого, что бардачным таким вот образом устроены муниципалитеты. Где-то закупка централизуется, где для всех библиотек закупается, а где-то каждый закупает. И от этого не зависит 94-й закон. Все-таки, Ирина Владимировна, я бы акцентировал внимание на том, что вы не ответили на вопрос Любы, которая просила вас объяснить, почему сначала в концепции передача полномочий всем, кроме распорядителей бюджета, это коррупция, а сейчас вы не считаете это коррупцией. Зачем вообще это включили? И так извернулись, и так.

Онищенко:

Я говорил лишь о том, что надо особенности учесть. И Садовничий – не мой. Я говорил не про МГУ, а о том, что грант выделяется конкретному физическому лицу, а университет является лишь оператором. В любом учреждении человек, который получает грант, находится под действием 94-ФЗ, потому что работает в бюджетном учреждении. Пусть там будет четко прописано с учетом работы ученых, театральных деятелей, библиотекарей. Нормы, которые оговаривают такие случаи.

Навальный:

Есть 55-я статья, где уникальные ученые, покупка книг для библиотеки, выступление театрального деятеля – это все там предусмотрено. Это все всегда можно сделать без конкурса.

Якобсон:

Коллеги, да, с наукой все не так просто, и я думаю, вы это знаете, но давайте об этом не сейчас.

Кузьминов:

Я скажу, меня эта проблема тоже задевает. Знаете, это не проблема 94-ФЗ, это проблема отсутствия урегулирования целого ряда случаев, урегулирования любой творческой деятельности. Думаю, коллегам все равно, будет ли это раздел 94-ФЗ или совершенно другой закон. Проблема в другом. Научному сообществу наплевать на наш спор. Оно страдает, потому что к нему в отсутствие нормативов пытаются приспособить закон о закупках мазута. Кто-то сознательно, кто-то от большого ума. Эту проблему надо регулировать. Поэтому мы предлагаем расширение поля регулирования, не отмену 94-З. Я не вижу там моментов, которые вредны. Ряд вещей надо урегулировать, которые связаны с предварительной оценкой закупок, так и со случаями финансирования, когда не совсем понятно, закупка это или нет. Мне близка позиция Навального: это не товар, это фундаментальное исследование. Наверное, меня и Якобсона сейчас осудят, но скажу, что постановка театрального спектакля, творческая деятельность – мы ее должны грантами обеспечивать и обеспечивать права грант получать над правами бухгалтера заведения, у которого свои планы на это дело. Давайте это скажем перед государством. Люди просто пользуются тем, что мы 94-ФЗ обсуждаем, давайте мы их поддержим.

Якобсон:

Грант – прозрачная процедура. 55-я статья – это исключение. Мы за то, чтобы не было исключений. Таких, как для мазута

Сергей Дашков (руководитель компании «Энергосервис» и Института конкурсных технологий):

Если не ошибаюсь, Марк Твен говорил, что ребенку, впервые взявшему в руку молоток, все в мире кажется гвоздем. Если бы Марк Твен жил в наше время, можно было бы сказать это про 94-ФЗ. Вопрос к Алексею, который его продвигает. У меня ощущение, что вы изучили 94-ФЗ, но не вполне знаете предмет, на который нападаете. Значит, два вопроса: знаете ли вы, при каких ограничениях проводятся двухэтапные конкурентные переговоры? И когда и как это делается? Что вам не нравится в двухэтапных переговорах и двухступенчатых конкурсах? Теперь по поводу высказываний. ФЗ решительно плох, 27 поправок и более 13 авторских листов текста – это не годится никуда. Этот закон нечитаем, и ужасен его язык. Закон – фикция, и нормальный человек по нему работать не может. Есть такая штука – индекс флеша, то есть индекс читаемости текста. Если переводить на русский язык, некая цифра от нуля до 100. Чем больше цифра, тем лучше читается текст. 50 – деловое издание. 30 и ниже – научный текст. Я прочитал несколько изданий: научно-популярная книга – индекс 35. Типовое положение о закупках в электроэнергетике – 2,2. Гражданский кодекс – чуть-чуть не дотянул до нуля – 0,05. Результат для 94-ФЗ – минус 22. *Зачитывает вслух одно из предложений 94-ФЗ (нечитабельно).*

Многостраничные нечитаемые тексты законов проходить не должны!

Якобсон:

Наверное, юристы воспринимают такие формулировки иначе, чем такие люди, как я.

Навальный:

Вы знаете, я все понял. Вот сейчас придет к нам человек-физик и скажет: ха-ха я ничего не понял! Ну так не поняли, не нужно тогда залезать во все это дело. Если 94-ФЗ написан с хромающей юридической техникой, это что означает, что я должен применить принцип добросовестности чиновника или принципы конкурентных переговоров из-за того, что там так написано смешно и студенты посмеялись?

Дашков:

Вы знаете, как проводятся конкурентные переговоры?

Навальный:

Не знаю, как это проводится в соответствии с этой концепцией, потому что здесь такого не написано, а не написано, потому что авторы манипулируют. Пример: полгода назад они считали, что размещение для широкого круга – это коррупция, а теперь они отдают это всем. Когда вы говорите, что я апеллирую политическими лозунгами, это чистый политический лозунг – заявлять о принципе презумпции невиновности чиновника. Здесь этого нет! Еще раз были публичные заявления автора.

Якобсон:

Тут есть разные ответы. Было констатировано: с точки зрения юридтехники написано ужасно – факт. Останется концепция или нет – переписывать надо, понимаете? Второй тезис – он уже другой. Некоторые процедуры не работают, потому что у нас нет законодательства. Третий – изменение в концепции есть манипулировании. Четвертый – что имелось в виду, когда писалась концепция.

Кузнецова:

Что касается дифференциации, сижу здесь три часа и беру у вас мастер-класс по манипулированию, спасибо большое. Лев Ильич, я выслушала про манипулирование пять раз, дайте возможность людям на такие заявления отвечать. Что касается дифференциации – будет дифференцировано. Какие-то закупки будут осуществлять только ГРБС, а какие-то закупки (скрепок, например) простые заказчики. И если за них все будет закупать ГРБС, Алексей, то тогда у нас будет Госснаб и тогда за каждой гайкой мы будем ездить в этот Госснаб – мы это уже проходили. Дифференциация будет.

Навальный:

Видимо, мы друг у друга берем мастер-класс по манипулированию. У вас спрашивают – по каким принципам будет дифференциация. А вы говорите – она будет.

Кузнецова:

Говорю – она будет. И скрепки будут закупать все заказчики, включая последнюю деревню Зюзино.

Навальный:

Когда я говорю про скрепки, вы говорите, что все это многообразно.

Якобсон:

Я пользуюсь своими дискреционными полномочиями и обращаю внимание вот на что: вы говорите – будет. Что будет, мы не знаем. Мы спрашивали Ирину Владимировну, как она считает. Она сказала, что хотела бы. Как будет, неизвестно. От себя скажу – тут тоже надо учитывать антикоррупционные моменты. Централизация коррупциогенна, когда для вас закупает другой, у этого есть плюсы, а есть минусы. С точки зрения

экономической эффективности – плюсы, с точки зрения коррупциогенности минусы.

Оксана Олейник (завкафедрой предпринимательского права, доктор юр. наук, профессор):

Я попрошу выразить мне сочувствие, потому что мне нужно комментировать 94-ФЗ вместе с Гражданским кодексом. Мне пришлось давать разъяснение, как это все применять. Честно – до сих пор я в состоянии тихого ужаса от 94-го закона. Дело не в формулировках, дело в бессмысленности, в вычурности. Хотелось бы обсудить не закон, а как он реализовывается. Я смотрела судебную практику. И для справки нужно несколько цифр назвать. По закону было рассмотрено в 2008 году примерно 7389 дел, 12817 дел – в 2009-м более 10 тысяч уголовных, и – попрошу внимания – всего 7946 гражданских дел за пять лет. Как юрист, могу сделать вывод. 94-ФЗ это административно-правовой и уголовно-правовой акт, хотя это противоречит смыслу закона. Он не должен так применяться, он применяется в нашей стране ужасно, он не решает тех задач, которые поставлены.

Первый вопрос – добросовестность и недобросовестность. Ярослав Иванович сказал, что он исходит из добросовестности, Алексей сказал, что исходит из недобросовестности. Алексей, вы что, правда считаете, что можно построить эффективное и позитивное право, основанное на принципе недобросовестности? Я считаю, что это невозможно. Дело не в количестве воровства. Мы в принципе в позитивном праве, которое направлено на регулирование и согласование интересов, не можем исходить из принципа недобросовестности. Иначе мы будем проверять все. Наша попытка все это проконтролировать напоминает грузинскую притчу о стороже. Естественно, все сторожа выпили вино. Такая модель бесперспективна. Вопрос: тогда право не нужно, будем исходить из того, что все жулики и всех в тюрьму?

Вторая идея – идея тотальности. В нашей стране доминирует идея тотальности, мы хотим быть везде. У нас нет принципа избирательности и корректировки. В этом беда 94-ФЗ. Практика 94-го закона – больше проблем, чем позитивного регулирования, в таком виде он не годится. Теперь по поводу ФКС. Никто же не сказал, что ФКС была в стране до революции, в советское время. И если я правильно помню, то количество нарушений в ФКС обратно пропорционально. Чем больше процедур и чиновников мы вовлечем в эту структуру, тем больше правонарушений у нас будет. Это, к сожалению, так. 94-й достиг высшего пилотажа, придумал максимум процедур, вовлек максимум чиновников и получил максимум правонарушений.

И еще замечание лирическое. Алексей сказал, что не верит, что ВШЭ может построить корабль, но они уже построили, и мы в нем сидим. И ВШЭ – материальное доказательство того, что команда может посмотреть, и он полетит. И еще я очень рада, что сейчас все обращаются к праву, к нормам – у нас сменился период нигилизма оптимизмом, что тоже не очень хорошо. Но сейчас, принимая закон, любят говорить: юристы не имели к этому никакого отношения, а потом читают такие формулировки. Но есть ведь правила юридической техники, есть взаимосвязи техники, мы ими постоянно пренебрегаем, и 94-й закон – тому доказательство. Он не увязан ни с Бюджетным, ни с Гражданским кодексом. Вы же не говорите о подрядчиках, которые не могут получить платеж, какими способами мы будем защищать их права. Правовую норму можно написать как угодно, но нет такой правовой нормы. Если перефразировать, по-моему, Шварц сказал: нет такой нормы права, которая делает сердце добрым, душу большой, а помыслы чистыми. Не возлагайте надежды на право, не поможет.

Навальний:

Уголовно-административный наклон мне очень нравится. Это часть ФЗ. Объясню, почему. Вот вам нужно обжаловать решение правительства, вы пойдете в районный суд, напишете исковое заявление, ходите в канцелярию, при этом, даже если вы выиграете, что вряд ли, все закончится через три месяца, когда вам уже это неинтересно. А 94-ФЗ дает возможность в течение пяти дней противодействовать всем этим департаментам и так далее. В городе Челябинске вы не выиграете у местного правительства никогда, а по 94-ФЗ мы запросто за пять дней все отменяем. Это реально работает. Вот заказчик, например, вылетел с конкурса. Вы ему предлагаете в суд идти? У него заседание через пару дней общей юрисдикции. А госконтракт уже заключен, деньги потрачены. 94-й закон дает реальную эффективную возможность с этим бороться.

Что касается добросовестности. Давайте отменим ПДД! Я добросовестный водитель! Отмените мне ПДД! Они мне очень мешают, же знаю, где нужно повернуться через сплошную линию. Любое законодательство – ограничение прав. Но это делается, чтобы пресечь и наказать недобросовестных.

Относительно тотальности – давайте не будем сравнивать закупки по неидеальному 94-му закону с каким-то кораблем. Давайте сравнить с тем, где его нет, этого закона. В законе все процедуры прописаны и есть механизм контроля. Давайте. ВШЭ очень крутая, реализует ФКС в «Газпроме» и «Транснефти», и тогда разговоры закончим. Давайте исходить из практики. Там где нет 94-го закона – все расхищается в невероятных количествах. Где он есть – воровства меньше, там есть возможность влиять, не обладая административными ресурсами. Сейчас в электронных аукционах среднее количество участников – 4-5 человек. Зайдите на сайты естественных монополий и посмотрите, что там о конкурсах. У меня есть табличка. Данные о размещении – 35 процентов случаев. Результаты найдете в 17 процентах случаев. О том, как реализовывались – в 0 процентов. Пусть ваша

Вшка летит в «Газпром» и все реализовывает, а у меня есть маленькая дрезина, на которой я еду.

Тоня Самсонова «Эхо Москвы»:

Вопросы Кузьминову и Лихачеву, С какой вероятностью комментарии Навального будут приняты к сведению при законотворчестве? Как сделать процедуру, чтобы на этапе законотворчества принималось во внимание, например мнение блогеров? Людей, которые не профессионально вовлечены в проблему, а косвенно.

Лихачев:

Регламента принятия во внимание мнения блогеров не существует, но мне от министра достается больше за мнение блогеров, чем за мнение коллег.

Конечно, регламента использования мнения блогеров не существует, но за блогеров меня министр журит, и мне достается как положено. Мнения будут учитываться, но не в жестком регламенте, а на уровне внимания министра.

Что касается второго, мы пока до обсуждения норма закона не дошли. Мы обсуждаем пока концепцию, которая существует только в голове Алексея с некими абсолютно оправданными фобиями. Но она описывает как-то не так, как у меня в голове. 94-й закон не имеет отношения ни к рынку, ни к демократии. Но он сыграл свою роль, и Алексей этим грамотно воспользовался. Я очень хотел бы дойти с коллегами до обсуждения норм закона. Я не хочу никому портить настроения и рассказывать о процедуре принятия законов в РФ.

Александр Пироженко (Минэкономразвития):

Мы конечно обо всем тут так хорошо поговорили, смешали в кучу. Мы не обсуждаем содержание концепции, предмет для спора очень маленький. На самом деле 94-й закон совершил прорыв, в его работе принимали активно

участие в ФАС, он хороший, но есть серые зоны. Когда мы скрепки покупаем, аукцион хорошо работает, но есть громадная серая зона – мы говорим о верхушке айсберга. 200 миллионов сэкономили, но проблема в том, что большая доля того, что попадает на аукционы, фактически закупается у единственного поставщика. Приходили к нам из МЧС, им нужны самолеты «Амфибия», должны проводить по ним электронный аукцион. Соответственно, они пишут в документации: самолет «Амфибия» или аналог, понимаете? В мире никто не производит эти самолеты. Но в этой ситуации заказчик и поставщик попадают в серую зону, и это не регламентировано. Фактически заказчик покупает по той цене, которую диктует производитель. А как это регламентировать? И нужно ли?

ФКС регламентирует и дает возможность публичного контроля на этапе планирования, этого не прописано нигде. Давайте на это посмотрим. Что у нас происходит потом? Почему космический корабль? Нормальный подход.

ФКС не должна уничтожать 94-й закон. Нужно регламентировать вопросы до размещения и после размещения.

Якобсон:

Двое дискуссантов независимо друг от друга спросили: когда будем завершать? И совпало это с выступлением Пироженко, с которым лично я полностью согласен. Так что давайте завершать.

Кузьминов:

Сегодня Игорь Артемьев прислал мне письмо. Он пишет, что хотел бы отметить, что форма сегодняшней дискуссии не предполагает профессионального обсуждения проектов. Насколько он был не прав. Действительно дискуссия не сильно профессиональная, но очень широкая. Нас смотрели и слушали десятки тысяч человек. Нас слышало очень много людей – тысяч десять до сих пор слушают. Я думаю, это серьезный

результат. Меня будут ругать за раскрутку Навального, а его – его поклонники: зачем он Вышку пропиарил. Есть ли смысл в дискуссии? Она повышает уровень доверия в обществе. Наше общество больно недоверием. Уровень доверия в России – 20%, в Европе – 60%, в СССР – 42% доверия в обществе. Это болезнь и общества, и экономики... Три четверти общества не хочет разбираться в проблемах, а бежит с топорами, что же мы сетуем, что нормы не исполняются! Да, можно долго обсуждать нормы. Это значит, что мы постепенно готовим себя жить по закону. Но закон может быть переписан высокими чиновниками и депутатам, без всякой дискуссии. Почему мы так не верим в себя? Но начинать надо с чего-то конструктивного. Мы сегодня обсуждали фактически вопрос контроля. Нужен контроль процедуры. Есть контроль процедуры, и я далек от пренебрежительного отношения к нему. Мы сразу начинаем не доверять процедуре. Вышка дважды сделала большие ставки на процедуры. Это 94-ФЗ, к которому мы приложили очень много сил. Постоянно мы его латаем, но он работает. Второе – административный регламент. Государство сейчас сделало административный регламент практически в двух третях своих полномочий. Но вслед за процедурами есть еще другие формы контроля. Но есть еще контроль экспертов – самый простой и надежный. Контроль конкурентов, в данном случае участников торгов. Под ними базис – это контроль простых людей. Не только блогеров в Интернете, но и посетителей. Мне кажется, мы сможем наладить ступенчатый контроль нормы закона, процедуры, контроль простых людей – мы дополним ту формально существующую систему закона, которая игнорируется не злодеями, а нами, потому что мы друг другу не доверяем. Начнем совместно что-то контролировать – тогда начнет складываться гражданское общество в России. Я согласен, чтобы на тернистом пути к этому меня незаслуженно оскорбил Навальный.

Навальный:

Спасибо большое друзья. В этом зале произошло нечто замечательное. Несмотря на то, что на лицах людей в зале читается: «Боже! Когда все это закончится?». И Артемьев прав – такой формат не может предполагать серьезного экспертного заключения. Для меня очевидно, что сегодня мы меньше говорили о формальности, а больше о сути, о политических базовых концепциях. Вышка и МЭР выдвинули, на мой взгляд, очень спорные вещи.

К сожалению, в приятной компании редко приходится находиться, мне часто приходится сталкиваться с жуликами. Наверное, какая-то темная сторона действительности, я с ней встречаюсь чаще, поэтому недоверия больше. Я должен добавить, что общество больно недоверием и у него есть основания для этого! Люди с головнями и топорами, иногда мне хочется спать ложиться с топором. Со всех сторон наступают. Я не хотел бы, чтобы ВШЭ вольно или невольно помогал бы людям, находящимся на темной стороне. Никто не спорит, что нужен мониторинг. Вместе с тем существует реальный инструмент, который приносит много пользы. Я надеюсь, мы не в последний раз собираемся.

Это замечательно, что здесь произошло, это грандиозная заслуга ВШЭ, пример для всех, что такие обсуждения надо проводить и дальше. Такие обсуждения нужно проводить, мы будем бороться с нашим недоверием в душе. И давайте бороться не тем, что рассказывать друг другу сказки, но и путем приближения к мрачной реальности. Это долгий путь, но давайте по нему двигаться.

Кузьминов:

Я сделал вывод о сути нового этапа российской истории. Раньше из топора суп варили, а теперь с ним спят!

Якобсон:

А я хочу вот что сказать. Что показало обсуждение сегодня? То, что все мы напуганы мифами, занимаемся мифотворчеством, будучи напуганы. Есть пункты реальных разногласий. Их несопоставимо больше, чем пунктов согласия. Надо просто нормально вместе работать, а не пугать друг друга. Экономисты с юристами друг друга плохо понимают. Юристы всегда говорят: вот это совсем хорошо или будет совсем хорошо. Экономисты точно знают, что оптимальные решения всегда компромиссны. Надо постараться договориться, что в будущих обсуждениях мы будем искать компромиссы, мы будем баланс искать. Давайте договоримся: мы ищем баланс, а летучий корабль – когда мы полностью коррупцию победим. Надо практические решения искать, каждое решение будет уязвимо, но надо улучшать сегодняшнюю ситуацию.